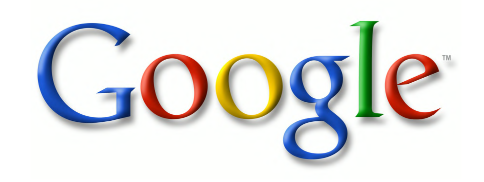
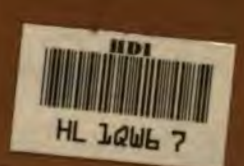
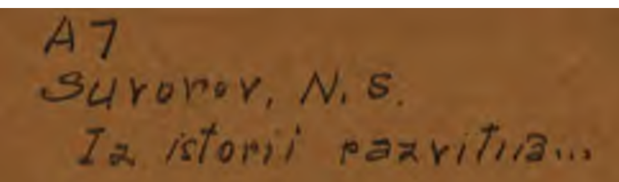



HDI
HL 1QW6 7


A7
Suvorov, N. S.
Iz istorii razvitiia...

VE RI TAS
CHRISTO ET ECCLESIAE

Н. Суворовъ.

ИЗЪ ИСТОРІИ РАЗВИТІЯ

ЦЕРКОВНО-ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ

ВЛАСТИ.

(Разборъ сочиненія П. В. Гидулянова о „Восточныхъ патріархахъ въ періодъ четырехъ первыхъ вселенскихъ соборовъ“).

МОСКВА.
Университетская типографія, на Страстномъ бульварѣ
1907.

Изъ исторіи развитія церковно-правительственной власти.

Гидуляновъ, П. В. Восточные патріархи въ періодъ четырехъ первыхъ вселенскихъ соборовъ.

Ярославль, 1908. (IV + 774).

Сочиненіе г. Гидулянова состоитъ изъ введенія и изъ четырехъ главъ. Во *введеніи*, носящемъ заголовокъ: «Константинъ Великій и христіанство», авторъ доказываетъ, что обращеніе Константина В. въ христіанство было искреннее, и что образъ его дѣйствій по отношенію къ христіанской церкви вытекалъ изъ искренняго же религіознаго чувства, а не изъ политическихъ расчетовъ и комбинацій. Новая религія, говоритъ г. Гидуляновъ, была нормой и движущею силою религіозной политики Константина, а религіозная политика Константина, или, иначе, религіозная программа его вполнѣ отвѣчала религіозной программѣ христіанъ того времени: водворенію царства Божія на землѣ и обращенію римской имперіи въ церковь. При этомъ авторъ заявляетъ о своемъ несогласіи со взглядомъ западно-европейской, католической и протестантской, науки на систему церковно-государственныхъ отношеній въ восточно-римской и въ византійской имперіи. Отожествивъ императора съ государствомъ и церковную іерархію съ церковью, католическіе и протестантскіе церковные писатели признаютъ съ этой точки зрѣнія полную подчиненность восточной церкви государству. Авторъ находитъ, что отожествленіе государства съ личностію монарха не соотвѣтствуетъ духу римскаго права, довольно неудачно доказывая это свое положеніе указаніемъ на то, что въ римскомъ правѣ различалось государственно-фискальное имущество отъ императорскаго имущества, которое еще въ свою очередь различалось какъ императорское коронное имущество и какъ императорское частное имущество. Затѣмъ, безъ особой надобности дѣлается экскурсія, и опять довольно неудачная, въ новую фило-

софію, съ цѣлью доказать, что теорія отожествленія государства съ личностію монарха, не соотвѣтствуя духу римскаго права, несостоятельна и сама по себѣ. Г. Гидуляновъ находитъ напримѣръ, что теорія эта наиболѣе рѣзко выражена Гоббезомъ, по ученію котораго, однако, какъ извѣстно, власть можетъ быть перенесена не на одно только лицо, а и на нѣсколькихъ лицъ и на всѣхъ участниковъ государственнаго договора. Болѣе удачно доказывается у автора неправильность отожествленія духовной іерархіи съ церковью, хотя все, что говорится въ разбираемой книгѣ объ епископахъ и соборахъ съ одной стороны и о рецепирующей общинѣ или мірѣ съ другой потребуетъ въ нижеслѣдующемъ моемъ изложеніи подробнаго разсмотрѣнія и оцѣнки. Пока достаточно установить основную точку зрѣнія автора, которою онъ руководится на протяженіи всего своего изслѣдованія. Епископы въ отдѣльности и епископы на соборахъ, даже вселенскіе соборы, сами по себѣ, не имѣли никакой правовой власти. Они опредѣляли только, въ чемъ состоитъ воля Божія, власть же принадлежала тѣмъ, кому принадлежала рецепція епископскаго или соборнаго рѣшенія, т. е. общинѣ или «міру» церкви, отъ котораго зависѣло признать или не признать, что рѣшенное епископами есть дѣйствительно воля Божія, и тѣмъ самымъ придать этому рѣшенію правовую силу. Вселенскіе соборы долженствовали быть соборами церкви всей римской имперіи, но кто же могъ сообщить рецепцію ихъ рѣшенію? Логически, конечно, та община, которая являлась бы представительницею всего государства, но такой общины въ это время не существовало. Итакъ не община, а представитель государства, сдѣлавшійся христіаниномъ со времени Константина, преемствовалъ древнецерковной общинѣ въ этой способности сообщать рецепцію соборному рѣшенію. Такъ императоръ въ глазахъ христіанъ явился представителемъ «міра церкви», чему немало способствовала между прочимъ сбивчивая терминологія Св. Писанія, отожествлявшая императора съ государствомъ. Почему императоръ явился представителемъ только міра церкви, почему терминологія Св. Писанія называется сбивчивою, и дѣйствительно ли въ указываемыхъ авторомъ цитатахъ изъ Св. Писанія императоръ отожествляется съ государствомъ, эти вопросы оставлены безъ разъясненія. Но выводъ у автора получается рѣшительный и опредѣленный: положеніемъ императора, какъ представителя міра церкви, объясняется его роль на вселенскомъ соборѣ, предсѣдательство, созваніе собора, руководительство, утвержденіе соборныхъ постановленій, закрытіе собора, кратко сказать церковное главенство императора.

Выработавъ себѣ руководящую точку зрѣнія, г. Гидуляновъ

разсматриваетъ въ деталяхъ церковную дѣятельность Константина, въ связи съ подробнымъ изложеніемъ различныхъ религіозныхъ ученій, явившихся въ то время на почвѣ христіанства. Введеніе оканчивается обзоромъ церковнаго устройства въ царствованіе Константина. Церковное устройство остановилось на объединеніи по провинціямъ, но въ силу того значенія, которое пріобрѣла императорская власть, выступали отдѣльные епископы, въ качествѣ довѣренныхъ лицъ императора, которые своими совѣтами направляли всю церковную политику императора (до никейскаго собора Озія кордубскій, съ 328 г. Евсевій никомидійскій). Церковное положеніе римскаго, александрійскаго и антіохійскаго епископовъ осталось такимъ, какимъ было ко времени никейскаго собора, т. е. положеніемъ привилегированныхъ митрополитовъ, имѣвшихъ власть не надъ одною провинціей, какъ обыкновенные митрополиты, а надъ нѣсколькими провинціями.

Изъ нижеизлагаемаго обзора содержанія главъ въ книгѣ г. Гидулянова, особенно слѣдующей непосредственно за введеніемъ первой главы, можно заключить, что авторъ напрасно ту часть своего изслѣдованія, съ которою мы познакомились, и которая занимаетъ 193 страницы, т. е. почти $^1/_4$ книги, назвалъ «введеніемъ». Правильнѣе было бы назвать эту часть первою главою, такъ какъ мы сейчасъ увидимъ, что то, что называется первою главою сочиненія, изложено по тому же плану, какъ и введеніе, только говорится въ ней уже не о Константинѣ, а о сынѣ его Констанціѣ, какъ и всѣ вообще главы слѣдуютъ порядку царствованій.

Такъ прежде всего въ *первой главѣ* изложеніе начинается съ характеристики Констанція, какъ искренняго христіанина, озабоченнаго водвореніемъ въ церкви мира и благоустройства. Но такъ какъ Констанцій не вдругъ, не непосредственно соединилъ въ своихъ рукахъ власть на западѣ и на востокѣ, то авторъ находитъ нужнымъ указать на разницу въ положеніи восточнаго императора и западнаго императора, а говоря о послѣднемъ указать на то, какимъ образомъ слабость западной императорской власти содѣйствовала укрѣпленію власти римскаго епископа. Борьбу между ортодоксальнымъ западомъ и въ большей или меньшей степени аріанствующимъ востокомъ авторъ называетъ борьбою за церковную рецепцію, при чемъ вдается въ подробнѣйшую характеристику восточныхъ церковныхъ партій съ ихъ различными вѣроисповѣдными формулами. Излагается въ послѣдовательномъ историческомъ порядкѣ масса соборовъ съ массой именъ епископовъ, участвовавшихъ въ этихъ соборахъ, и отношеніе къ нимъ единовластвующаго императора Констанція съ его дѣятельностію, направленною къ возстановленію разорваннаго партіями церковнаго единства.

VE
RI
TAS

Аркадія и Θеодосія Младшаго и осуществленіе Маркіаномъ и Пульхеріей церковно-политической программы Θеодосія В. на халкидонскомъ или IV-мъ вселенскомъ соборѣ 451. Въ этой главѣ изображается борьба Александріи съ Константинополемъ изъ за церковнаго первенства при александрійскихъ епископахъ Θеофилѣ, Кириллѣ и Діоскорѣ, въ связи съ исторіей соборовъ ефесскаго 431 г. (иначе III вселенскаго), ефесскаго 449 г. (иначе разбойничьяго) и халкидонскаго 451 г. (иначе IV вселенскаго). Объясняются правила 9 и 17 халкидонскаго собора (о подачѣ апелляцій константинопольскому епископу изъ другихъ діэцезовъ) и 28 правило того же собора (о предоставленіи константинопольскому епископу власти надъ тремя діэцезами). Авторъ заявляетъ, что онъ даже и за время, послѣдовавшее за ефесскимъ соборомъ 431 г. не нашелъ никакихъ слѣдовъ существованія діэцезальной системы ни въ азійскомъ, ни въ восточномъ діэцезѣ восточно-римской имперіи.

Сочиненіе какъ бы обрывается. Никакого резюмирующаго обзора и никакихъ выводовъ, которые помогли бы читающему разобраться въ содержаніи объемистой книги, авторомъ не сдѣлано. Нужно перелистывать книгу и отыскивать то, что сказано въ разныхъ мѣстахъ о «восточныхъ патріархахъ въ періодъ четырехъ первыхъ вселенскихъ соборовъ», а изъ изложеннаго мною содержанія книги видно, что авторъ не только не ограничивается патріархами и не только старается выяснить положеніе римскаго императора въ церкви, но и входитъ въ подробное разсмотрѣніе борьбы церковныхъ партій съ ихъ вѣроисповѣдными формулами и въ ихъ различной группировкѣ. Въ общемъ, конечно, мысль автора нужно признать правильною. Дѣйствительно, для выясненія процесса развитія восточныхъ патріархатовъ, нельзя оставить въ сторонѣ ни императорскую власть, ни церковныя партіи. Но вдаваться въ подробности, имѣющія чисто богословскій интересъ, съ рискомъ притомъ выслушать отъ богослововъ не совсѣмъ пріятныя замѣчанія на счетъ поверхностности или неточности изложенія, не было никакой надобности. Не останавливаясь на этой сторонѣ сочиненія г. Гидулянова и предоставляя оцѣнку ея богословамъ, замѣтимъ только, что авторъ не всегда точенъ въ передачѣ греческихъ и латинскихъ терминовъ, напр. греческія слова: φθορά (порча, тлѣніе) и ἀφθαρσία (нетлѣнность) г. Гидуляновъ переводитъ на русскій языкъ словами: «грѣхъ» и «безгрѣшность» (стр. 103 и 169). Употребляя русское выраженіе: «не нерожденъ», авторъ въ скобкахъ ставитъ греческое слово: ἀγέννητος, давая поводъ думать, что греческое слово: ἀγέννητος и русское выраженіе: «не нерожденъ» соотвѣтствуютъ одно другому (стр. 101 и 105), между тѣмъ какъ они противоположны, и

если нужно было обозначить греческимъ словомъ русское выраженіе: «не нерожденъ», то въ скобкахъ нужно было писать: οὐκ ἀγέννητος. Приписываемое аріанами Христу σῶμα ἄψυχον переводится на русскій языкъ: «бездыханное тѣло» (стр. 166). Бездыханное тѣло — это значитъ мертвое тѣло, трупъ, аріяне же приписывали Христу не мертвое тѣло, а тѣло безъ души человѣческой. Это нѣчто совсѣмъ другое. Или напр. на стр. 99 говорится: «Западъ уже со временъ Тертулліана владѣлъ формулой, по которой божество Христа совмѣщалось съ единствомъ Бога. Путемъ традиціи, а не черезъ оффиціальное рѣшеніе здѣсь твердо стояло, что Логосъ ex substantia Patris genitus—unius substantiae съ Отцомъ и Св. Духомъ и привело (что привело?) къ временному положенію о «genitum esse» у Тертулліана» и т. д. Какой смыслъ нужно придавать этому «временному положенію»? Значитъ ли это, что дѣло идетъ о теоретическомъ положеніи Тертулліана, отъ котораго онъ потомъ отказался, или это есть положеніе Тертулліана о рожденіи Логоса во времени? Если послѣднее, то его и узнать нельзя въ передачѣ г. Гидулянова.

Болѣе необходимымъ я считаю остановиться на той руководящей точкѣ зрѣнія, съ которой, какъ выше было указано, авторъ смотритъ на положеніе императора въ церкви. Императоръ, по мнѣнію г. Гидулянова, унаслѣдовалъ отъ общины рецепцію соборныхъ постановленій, и отсюда произошла вся его власть! Въ своей магистерской диссертаціи: «Митрополиты въ первые три вѣка христіанства» г. Гидуляновъ повторялъ взглядъ Зома на церковную рецепцію, изложенный этимъ послѣднимъ въ его «Kirchenrecht», Въ новомъ своемъ изслѣдованіи: «Восточные патріархи въ періодъ четырехъ первыхъ вселенскихъ соборовъ» г. Гидуляновъ дѣйствуетъ уже на свой страхъ, производя изъ рецепціи церковную власть императора. У самого Зома, насколько онъ говоритъ о рецепціи не всегда можно уловить логическую послѣдовательность мысли. На стр. 257 Зомъ говоритъ, что епископская община около половины III в, имѣла два органа съ юридическимъ значеніемъ: епископа и общинное собраніе съ пресвитеріумомъ во главѣ этого собранія: изъ общиннаго собранія, продолжаетъ Зомъ, возникъ соборъ, а изъ епископской власти возникла митрополитская и папская власть. Отсюда слѣдовало бы заключить, что рецепція должна была перейти по наслѣдству отъ общины къ собору, который возникъ, по словамъ Зома, изъ общины, а между тѣмъ оказывается, что самъ соборъ нуждался въ рецепціи, безъ которой никакія соборныя рѣшенія не имѣли правовой силы. Епископы на соборахъ, какъ пророки въ первыя времена христіанства, провозглашали, въ чемъ состоитъ воля Божія, но это провозглашеніе воли Божіей

имѣло, выражаясь современнымъ языкомъ, академическій характеръ, такъ какъ было направлено въ неопредѣленное пространство, даже ко всему христіанскому міру, правовой же силы, обязывающей кого-либо, не имѣло ни въ одной части міра, даже и въ томъ мѣстѣ, гдѣ соборъ составлялся, пока община не рецепирована, т.-е. не признала, что соборное рѣшеніе есть дѣйствительно воля Божія. На стр. 450 Зомъ говоритъ, что рецепція общиннаго собранія съ конца III в. уже не сохранилась: мѣсто общиннаго собранія заступилъ съ одной стороны пресвитерій, съ другой соборъ, а съ половины IV в. проведено вообще различіе простыхъ епископовъ и высшихъ епископовъ (т.-е. митрополитовъ). Право созывать соборъ резервировано высшему епископу. Такимъ образомъ рецепція дѣйствія простого епископа съ общиннаго собранія и съ пресвитерія перешла на высшаго епископа съ созваннымъ имъ соборомъ, рецепція же дѣйствія высшаго епископа сдѣлалась достояніемъ этого самаго собора. Какъ скоро затѣмъ къ концу IV в. надъ высшими епископами ставятся еще высшіе епископы (примасы или патріархи), то опять рецепція дѣйствія митрополита и вообще церковно-правовая дѣйствительность его актовъ принадлежитъ не созванному имъ собору, а высшему надъ нимъ самимъ епископу, примасу, и его собору. Дальше Зомъ не идетъ. Ни одного слова о переходѣ рецепціи съ общины и съ собора на императора у Зома нѣтъ, хотя и онъ, конечно, очень хорошо знаетъ и изображаетъ пространство церковной власти императора. Какъ тонкій историкъ права, онъ едва ли, даже и могъ сказать, что римскій императоръ различалъ сферу церковную отъ сферы государственной такимъ образомъ, что въ первой онъ дѣйствовалъ бы въ силу унаслѣдованной имъ отъ христіанскихъ общинъ и соборовъ рецепціи, а въ послѣдней въ силу перенесенной на него lege regia полноты власти, какъ это дѣлается у Гидулянова (стр. 73—74).

Итакъ мысль объ императорской рецепціи принадлежитъ не Зому, а г. Гидулянову, и мы увидимъ сейчасъ, къ чему привела его эта мысль.

Объ императорской рецепціи авторъ говоритъ часто, и не всегда въ выраженіяхъ, согласующихся между собою. Изъ того, что императорская рецепція должна была сообщать соборнымъ рѣшеніямъ правовую силу, слѣдовало бы заключить, что власть императора есть власть юридическая, ибо и самъ Зомъ древнехристіанскому общинному собранію усвояетъ значеніе юридическаго органа общины, именно того органа, который своею рецепціей придаетъ правовую силу всякимъ церковнымъ актамъ. А у Гидулянова на стр. 77 читаемъ: «На никейскомъ соборѣ, подобно тому, какъ на соборахъ II и III вв., выступили двѣ группы: 1)

епископы всей церкви римской имперіи и 2) міряне съ императоромъ, какъ представителемъ міра всей римско-имперской церкви. Взаимоотношеніе этихъ группъ осталось прежнимъ. Рѣшеніе принадлежитъ однимъ епископамъ. Только ихъ голоса считаются. Такъ было на никейскомъ и другихъ послѣдующихъ соборахъ. Что же касается второй группы съ императоромъ во главѣ, то ей принадлежала рецепція. А мы уже видѣли, что кому принадлежитъ право рецепціи, тотъ обладаетъ *фактически* высшею властію. Такъ какъ рецепція прежде всего принадлежала императору, именно какъ представителю міра церкви, то *фактически* къ нему перешла высшая церковная власть». По поводу употребленныхъ здѣсь выраженій: «вторая группа съ императоромъ во главѣ» и «рецепція прежде всего принадлежала императору» придется сказать особо. Что же касается власти, «фактически» принадлежавшей императору, то авторъ, повидимому, серьезно думаетъ, что императорская церковная власть, хотя и основанная на рецепціи, была фактическою, а не юридическою, и тѣмъ самымъ слѣдовательно должна была рѣзко различаться отъ власти государственной, основанной на lex regia. Такъ онъ и еще въ одномъ мѣстѣ говоритъ (стр. 199): «Какъ мы знаемъ, въ царствованіе Константина В. власть въ отношеніи церковной рецепціи принадлежала *фактически* монарху». Тѣмъ неожиданнѣе слѣдующее разсужденіе на стр. 64—65: «*Вселенскіе соборы*, особенно первый наиболѣе авторитетный изъ нихъ, никейскій, были *причиною* высшаго церковнаго положенія императора и въ результатѣ *юридически обосновали* его высшую церковно-правительственную власть». Оказывается, что не рецепція, а вселенскіе соборы были причиною высшаго церковнаго положенія императора, и что власть его была не фактическая, а юридически обоснованная. Но тутъ надо видѣть какую-то обмолвку: на самомъ дѣлѣ авторъ рецепціи не забываетъ. На стр. 711, говоря о халкидонскомъ соборѣ, онъ разсуждаетъ такъ: «Центральною фигурой, главною пружиною, приводящею въ движеніе весь церковный механизмъ, является императоръ. Онъ—глава и предсѣдатель собора. Онъ созываетъ соборъ, назначаетъ время и мѣсто засѣданія, переноситъ и открываетъ его. Отъ него же зависитъ закрытіе собора и утвержденіе соборныхъ постановленій. Въ качествѣ представителя міра церкви, ему, наконецъ, принадлежитъ предварительная рецепція опредѣленій собора. Съ просьбою объ этомъ, по крайней мѣрѣ, прямо обращаются къ нему отцы халкидонскаго собора. Отсюда вытекаетъ высшая власть императора надъ соборомъ. Въ виду этого, какъ папа Левъ Великій, такъ и другіе отцы церкви прямо обращаются съ просьбою отмѣнить постановленія предыдущаго собора и возстановить истинную вѣру церкви. Такимъ образомъ

императоръ является апелляціонною и кассаціонною инстанціей для собора». Чуть не каждымъ словомъ въ приведенномъ разсужденіи вызывается недоумѣніе. Повидимому, различаются двѣ категоріи правъ императора надъ соборомъ. Къ первой категоріи отнесены главенство и предсѣдательство на соборѣ, созваніе собора, назначеніе времени и мѣста засѣданій, перенесеніе съ одного мѣста на другое, открытіе и закрытіе собора и утвержденіе соборныхъ постановленій. Ко второй категоріи относится право, принадлежащее императору, какъ представителю міра церкви: рецепція соборныхъ постановленій, и притомъ не просто рецепція, а какая-то предварительная рецепція, о которой будто бы прямо просили императора отцы халкидонскаго собора. Хотя объ этой рецепціи говорится, что изъ нея вытекаетъ вся вообще высшая власть императора надъ соборомъ (въ томъ числѣ слѣдовательно и права первой категоріи), но въ особенности выдвигается положеніе императора, какъ апелляціонной и кассаціонной инстанціи Однако, принимая во вниманіе, что всякую церковную власть императора авторъ производитъ изъ рецепціи, мы должны думать, что онъ просто неудачно выразился, какъ будто различая какія-то двѣ категоріи правъ, изъ которыхъ одна, повидимому, не стояла бы въ связи съ рецепціей, а другая имѣла бы свой источникъ именно въ рецепціи. Къ таковому толкованію мыслей автора въ особенности побуждаетъ то, что говорится на стр. 77—78: «Переходъ власти въ отношеніи церковной рецепціи на императора долженъ былъ отразиться на его положеніи. Какъ власть общины большого города въ отношеніи рецепцій постановленій провинціальнаго собора создала высшее положеніе митрополита, такъ власть въ отношеніи рецепціи рѣшеній имперскаго собора должна была возвести и поставить императора на первое мѣсто въ церкви. Императоръ пріобрѣтаетъ рѣшительное вліяніе на соборъ. Вселенскій соборъ могъ быть тамъ (и тогда?), гдѣ и когда захочетъ этого монархъ. Императоръ—въ первую голову то, что дѣлаетъ соборъ вселенскимъ. Безъ согласія императора отсюда вселенскій соборъ не мыслимъ» и т. д. Изъ всего этого по моему мнѣнію, слѣдуетъ, что г. Гидуляновъ изъ рецепціи производитъ и созваніе собора, и назначеніе времени и мѣста засѣданій, перенесеніе собора, открытіе и закрытіе собора, вмѣстѣ съ утвержденіемъ соборныхъ постановленій. Но если такъ, то насъ должно поражать то обстоятельство, что императорская рецепція, возникшая, по мнѣнію г. Гидулянова, изъ извѣстнаго намъ источника, сдѣлалась не узнаваемою. Никому до сихъ поръ не приходило въ голову утверждать, что древнехристіанская община, или соборъ, отъ которыхъ императоръ будто бы унаслѣдовалъ рецепцію, имѣли право созы-

вать соборъ, переносить его съ мѣста на мѣсто, открывать и закрывать соборъ, а императоръ, какъ оказывается, имѣлъ эти права, и если онъ получилъ ихъ по наслѣдству отъ кого либо, то во всякомъ случаѣ не отъ «міра церкви», а отъ высшихъ епископовъ. Если же припомнить, что пригласительныя грамоты отъ лица императора епископамъ относительно явки на соборъ иногда содержали въ себѣ угрозу наказаніемъ за неявку, то всякая попытка производить подобныя права изъ рецепціи должна считаться по меньшей мѣрѣ недоразумѣніемъ. Такъ въ книгѣ самого Гидулянова на стр. 82 говорится о пригласительныхъ посланіяхъ на соборъ тирскій 335 г. и на III вселенскій: въ первомъ изъ нихъ епископу, пренебрегшему царскимъ повелѣніемъ и не явившемуся на соборъ, угрожается даже изгнаніемъ съ каѳедры; во второмъ говорится, что тѣ, которые не явятся немедленно на соборъ, не будутъ имѣть никакого оправданія ни предъ Богомъ, ни предъ императоромъ.

Больше, повидимому, основаній можно было бы привести въ пользу происхожденія высшей судебной власти по обжалованіямъ изъ рецепціи, такъ какъ и самъ Зомъ изъ руководящей власти большой общины въ отношеніи рецепціи выводитъ «eine Art von Appellation» (Kirchenr, 364). Но Зомъ, какъ выше указано, ничего не говоритъ о переходѣ рецепціи на императора, а если бы и онъ сталъ разсуждать такъ, какъ разсуждаетъ г. Гидуляновъ, то ему можно было бы возразить, что самъ императоръ не подозрѣвалъ перехода на него рецепціи. Константинъ В. сначала даже отклонялъ отъ себя разсмотрѣніе апелляцій по церковнымъ дѣламъ и жалобъ на епископовъ, какъ это было съ жалобами донатистовъ до никейскаго собора и съ жалобами, врученными императору передъ открытіемъ никейскаго собора. Донатистовъ онъ порицалъ за то, что они поступили какъ язычники, апеллируя императору на судебный приговоръ собора. Жалобы, поданныя въ Никеѣ одними епископами на другихъ, онъ велѣлъ сжечь не читая, по свидѣтельству одного историка (*Сократа* Церк. истор. I, 8) съ указаніемъ на заповѣдь о взаимномъ прощеніи обидъ, по свидѣтельству другого историка (*Созомена* Церк. Истор. I, 17) съ указаніемъ на свою некомпетентность разбирать судныя дѣла, въ которыхъ и обвинителями, и обвиняемыми являются іереи (т.-е. епископы). И если позднѣе тому же Константину и его преемникамъ приходилось осуществлять высшую судебную власть, то объяснять это нужно не запозданіемъ рецепціи, а просто тѣмъ, что епископы осаждали императоровъ своими жалобами. А какого либо намека на рецепированную, и тѣмъ болѣе на рецепированную отъ «міра церкви» императорскую судебную власть по церковнымъ дѣламъ мы не найдемъ ни въ одномъ историческомъ памятникѣ.

Повидимому, наконецъ, могло бы также быть производимо изъ рецепціи утвержденіе соборныхъ постановленій. Община, какъ мы знаемъ изъ Зома и повторяющаго его слова Гидулянова, своею рецепціею сообщала всякимъ церковнымъ актамъ «правовую силу», а при христіанскихъ императорахъ это сообщеніе «правовой силы» церковнымъ актамъ стало императорскимъ правомъ. Но мы опять поражаемся несоотвѣтствіемъ императорской рецепціи тому источнику, изъ котораго она проистекла. Утвержденіе соборныхъ постановленій императоромъ имѣло тотъ эффектъ, что несогласные съ ними лишаемы были каѳедръ и должностей и отправлялись въ ссылку,—такого эффекта древнецерковная общинная рецепція навѣрное не имѣла.

Однако, изъ всего вышеизложеннаго видно, что, по мнѣнію г. Гидулянова, на императора была перенесена та рецепція, которая принадлежала общинѣ, или, какъ онъ иначе выражается, «міру церкви». Чтобы не было въ этомъ отношеніи никакихъ сомнѣній, приведу еще нѣсколько мѣстъ изъ разбираемой книги. На стр. 129 явственно говорится: «какъ мы уже говорили, міръ церкви былъ представленъ на соборѣ (никейскомъ) въ лицѣ императора, какъ естественнаго представителя міра церкви всей римской имперіи. Отсюда естественно о какомъ-либо другомъ представительствѣ міра церкви не могло быть и рѣчи». Выше на стр. 90 говорилось: «Вся власть, которая принадлежала міру церкви, перешла на него (императора) и въ лицѣ его, какъ представителя, сконцентрировалась. Отсюда средоточіе (сосредоточеніе?) въ его рукахъ высшей церковной власти законодательной, судебной, «и т. д. На стр. 91: «Рядомъ съ этимъ императоры получаютъ рѣшительное вліяніе при замѣщеніи епископскихъ каѳедръ. Однимъ словомъ высшая церковно-правительственная власть, насколько о послѣдней можно говорить въ вопросахъ религіи, перешла къ императору. Само собою, отправленію этой власти, вытекавшей вообще изъ права рецепціи, нисколько не мѣшало то обстоятельство, что императоръ—мірянинъ, такъ какъ и раньше власть эта принадлежала міру церкви». Это послѣднее положеніе о принадлежности міру церкви высшей церковной власти во времена, предшествующія христіанскимъ императорамъ, такъ важно, что требовало бы обстоятельной аргументаціи, но у нашего автора оно ничѣмъ не подкрѣплено, кромѣ извѣстныхъ намъ разсужденій Зома, что рецепція общины придавала «правовую силу» всякимъ церковнымъ актамъ. Мы, однако, видѣли, что не общинѣ и не міру церкви принадлежало право созывать соборъ, переносить его съ мѣста на мѣсто, открывать и закрывать соборъ, предсѣдательствовать на немъ, такъ что уже по этой одной причинѣ положеніе

автора о принадлежности міру церкви высшей церковной власти нужно считать явно гиперболическимъ. Но согласимся на время съ г. Гидуляновымъ и допустимъ, что міръ церкви имѣлъ всю власть, и что вся она цѣликомъ перешла на императора. Тогда опять для насъ возникаетъ затрудненіе, и даже не одно. Константинъ Великій, какъ о немъ исторически извѣстно, не только не считалъ себя представителемъ міра церкви въ смыслѣ г. Гидулянова, а скорѣе причислялъ себя къ епископамъ. Онъ называлъ себя «внѣшнимъ епископомъ», а въ своемъ посланіи къ церквамъ, извѣщая не бывшихъ на никейскомъ соборѣ епископовъ о томъ, что постановлено на этомъ соборѣ, выразился, что, собравъ возможно большее число епископовъ, онъ и самъ присутствовалъ на соборѣ, какъ бы одинъ изъ нихъ, при чемъ добавилъ, что онъ не отрицается, а напротивъ, радуется тому, что былъ сослужителемъ епископовъ (*Евсевій*, Жизнь Константини, III, 17). Ни малѣйшаго намека на то положеніе, которое усвояется императору г. Гидуляновымъ, мы здѣсь не находимъ. Далѣе, если императоръ сталъ «единственнымъ de jure представителемъ міра церкви (Гидуляновъ, стр. 136), то, повидимому, не зачѣмъ было бы говорить о какомъ-либо другомъ преставительствѣ міра церкви. Однако, намъ приходилось уже встрѣчатся съ такими выраженіями автора, какъ напр. выраженіе автора о присутствовавшихъ на соборѣ двухъ группахъ, изъ которыхъ одну составляли епископы, а другую *міряне* съ императоромъ, какъ представителемъ міра всей имперской церкви, или что рецепція *прежде всего* принадлежала императору. Значитъ, перенесеніемъ рецепціи на императора не исключалось присутствіе мірянъ на соборахъ. На стр. 88-й говорится: «Въ видахъ достиженія согласія и изъ желанія по возможности избѣжать ошибокъ въ опредѣленіи общей воли церкви является привлеченіе императоромъ на соборъ извѣстнаго представительства міра церкви. Дѣлается это или въ формѣ участія на соборѣ константинопольской общины, какъ общины столицы, или въ формѣ организованнаго представительства имперіи въ видѣ константинопольскаго сената. Константинопольская община участвуетъ на соборѣ или лично, какъ это было на II вселенскомъ соборѣ, или черезъ посредство константинопольскаго клира какъ своего представителя, какъ это было на халкидонскомъ 451 г. и на другихъ соборахъ. Что касается константинопольскаго сената, то таковой выступалъ на соборѣ халкидонскомъ и константиноп. 681 г.». Итакъ императоръ, хотя и «единственный de jure представитель міра церкви», считалъ нужнымъ привлекать на соборъ извѣстное представительство міра церкви. Авторъ съ увѣренностію говоритъ о привлеченіи императоромъ то константинопольской общины, то константинопольскаго клира, заставляя ду-

мать, что императоръ обращался къ нимъ съ приглашеніемъ явиться на соборъ. Но о подобныхъ приглашеніяхъ исторія ничего не говоритъ. Изъ четырехъ первыхъ соборовъ, которые падаютъ на изслѣдуемую авторомъ эпоху, константинопольская община могла принять участіе «лично», какъ выразился авторъ, только во II-мъ вселенскомъ соборѣ, который собирался въ Константинополѣ. Насколько изъ исторіи извѣстно, участіе ея въ этомъ соборѣ выразилось въ томъ, что соборъ, вмѣстѣ съ общиной, выбралъ епископа на константинопольскую каѳедру, такъ что константинопольская община дѣйствовала тутъ совмѣстно съ соборомъ не въ качествѣ какой-либо представительницы всего «міра имперской церкви», а по дѣлу, ея самой касавшемуся. О привлеченіи ея къ участію въ обсужденіи разныхъ вопросовъ, которыми занятъ былъ соборъ, ничего неизвѣстно, а извѣстно напротивъ, что на другихъ соборахъ, именно на антіохійскомъ и халкидонскомъ, выбирались епископы на александрійскую каѳедру въ Египтѣ безъ всякаго участія и константинопольской, и мѣстной александрійской общины. Знаетъ эти факты и г. Гидуляновъ (стр. 220 и сл.), который долженъ былъ поэтому отнестись съ нѣкоторою критикой, а не съ обычнымъ своимъ увлеченіемъ къ разсужденіямъ Зома, будто на II-мъ вселенскомъ соборѣ явственно распознается древняя форма общиннаго собранія, такъ какъ де вселенскій соборъ, вмѣстѣ съ общиной, выбралъ епископа константинопольскаго (Sohm, стр. 329). Если бы въ данный моментъ епископская каѳедра въ Константинополѣ не оказалась вакантною, или если бы соборъ состоялся въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ, а не въ Константинополѣ, то и самъ Зомъ, вѣроятно, воздержался бы отъ искушенія говорить объ участіи константинопольской общины, «какъ общины столицы» во вселенскомъ соборѣ, да еще вдобавокъ какъ представительницы всего міра имперской церкви, привлекаемой императоромъ къ участію въ соборѣ. Говоря о константинопольскомъ клирѣ, черезъ который, какъ черезъ своего представителя, константинопольская община будто бы принимала участіе въ халкидонскомъ соборѣ 451 г. и въ другихъ, авторъ ссылается на свое первое сочиненіе о «Митрополитахъ», но тамъ говорится не о Халкидонѣ, а о Карѳагенѣ временъ Кипріана, т. е. III в. Изъ ссылки на Зома можно заключать, что онъ, подобно Зому, смотритъ на духовенство, сопровождавшее епископовъ на соборы не какъ на помощниковъ, услуги которыхъ могли понадобиться епископу, а какъ на предводителей и представителей общинъ, изъ которыхъ составлялась особая группа на соборахъ. Зомъ въ этомъ своемъ построеніи основывается на томъ, что, при вакантности епископской каѳедры, мѣстный пресвитерій выступалъ въ первую голову

и за нимъ слѣдовалъ народъ въ дѣлѣ избранія новаго епископа, въ присутствіи собравшихся сосѣднихъ епископовъ. Отсюда онъ сдѣлалъ ложный выводъ, что и при наличности епископа пресвитерій съ народомъ составлялъ группу, противополагавшуюся епископу, и притомъ обобщилъ этотъ выводъ, распространивъ его на всю церковь, даже и періода вселенскихъ соборовъ. Правильнѣе опредѣляютъ положеніе духовенства, сопровождавшаго епископовъ на соборы, тѣ, по мнѣнію которыхъ пресвитеры, діаконы и проч. находились «въ свитѣ» архіереевъ. Приписывать этому «свитскому» духовенству представительство «міра церкви» было бы болѣе, чѣмъ рискованно. Что касается, наконецъ, константинопольскаго сената, въ которомъ авторъ видитъ «организованное представительство имперіи», то не касаясь вопроса о томъ, былъ ли сенатъ организованнымъ представительствомъ имперіи въ политическомъ отношеніи, можемъ навѣрное сказать, что онъ не былъ организованнымъ представительствомъ міра церкви въ отношеніи церковной рецепціи. Въ присутствовавшихъ на соборахъ сановникахъ правильнѣе видѣть то, что обыкновенно видѣли въ нихъ до сихъ поръ—императорскихъ комиссаровъ, дѣйствовавшихъ по делегаціи, по порученію или по уполномоченію отъ императора. Всего менѣе можетъ помочь г. Гидулянову ссылка на VI вселенскій соборъ, обстановка котораго въ актахъ собора изображается такъ: посреди залы засѣданій на тронѣ сидитъ императоръ; по одну сторону его расположились сановники, по другую «святый соборъ», такъ что «святый соборъ» отличается отъ сановниковъ, которые слѣдовательно не составляли «группы», входившей въ составъ собора.

Г. Гидуляновъ не упустилъ случая въ разсматриваемомъ сочиненіи подкрѣпить новыми аргументами то, что защищалось имъ въ первой его диссертаціи, именно, что подчиненное епископамъ духовенство и міряне держали рѣчи на соборахъ и имѣли совѣщательный голосъ. Авторъ повторяетъ свое прежнее мнѣніе объ извѣстныхъ изъ исторіи пресвитерахъ и діаконахъ (Оригенѣ, Мальхіонѣ, Аѳанасіѣ), державшихъ рѣчи на соборахъ. На сдѣланное ему возраженіе, что это были искусные діалектики, въ ораторскомъ искуствѣ которыхъ епископы нуждались, но которые, сами по себѣ, ни къ которой изъ двухъ соборныхъ группъ, различаемыхъ г. Гидуляновымъ, не принадлежали, отвѣта въ новой его диссертаціи нѣтъ. Но онъ привелъ еще одинъ примѣръ сверхъ тѣхъ, которые были извѣстны ему раньше, именно *діакона* Аэція, который силою своего слова наводилъ страхъ на противниковъ (т. е. былъ искусный діалектикъ). Епископы сначала отказывались состязаться съ нимъ, ссылаясь на то, что имъ, какъ епископамъ, не слѣдуетъ входить въ разсужденіе по догматамъ съ діакономъ;

впрочемъ, когда противная сторона сказала, что теперь предметомъ изслѣдованія служатъ не званія, а истина, состязаніе состоялось, и побѣдителемъ оказался Аэцій. Этотъ примѣръ скорѣе говоритъ противъ Гидулянова, такъ какъ свидѣтельствуетъ о принципіальномъ нерасположеніи епископовъ вступать въ пренія съ духовенствомъ низшихъ ранговъ, а въ пользу участія мірянъ въ соборныхъ совѣщаніяхъ, очевидно, нельзя извлечь изъ этихъ примѣровъ ровно ничего. Но г. Гидуляновъ, подкрѣпляемый въ этомъ случаѣ не только Зомомъ, но и Гефеле, авторомъ извѣстной «Conciliengeschichte», цитируетъ нѣкоторыя мѣста изъ Евсевія, Сократа и Созомена, воздерживаясь отъ всякой попытки объяснить читателю, что содержится въ цитируемыхъ имъ мѣстахъ. У Евсевія (Жизнь Константина, кн. III, гл. 7 и 8) проводится аналогія между соборомъ, бывшимъ въ Іерусалимѣ во времена апостоловъ, и соборомъ, который былъ созванъ Константиномъ. Какъ на апостольскомъ соборѣ были и пареяне, и мидяне, и еламиты, и жители Месопотаміи, египтяне, критяне, аравитяне и т. д., такъ и при Константинѣ собрались на соборъ тѣ, которые занимали первое мѣсто между служителями Божіими (т. е. епископы) изъ разныхъ странъ: Сиріи, Киликіи, Аравіи, Египта и т. д., даже изъ Персіи и Скиѳіи. Но, говоритъ Евсевій, между апостольскимъ и никейскимъ соборами та разница, что на первомъ не всѣ сошедшіеся были служителями Божіими, а на послѣднемъ присутствовало свыше 250 епископовъ, число же сопровождавшихъ ихъ пресвитеровъ, діаконовъ, аколуѳовъ и иныхъ очень многихъ даже не поддается и исчисленію. Изъ этихъ служителей Божіихъ одни отличались мудростью, другіе строгостію жизни и нравственною высотою, одни были престарѣлы, другіе лишь недавно поступили на служеніе. Слѣдовательно историкъ говоритъ только объ епископахъ и о подчиненномъ имъ духовенствѣ разныхъ ранговъ и степеней; о мірянахъ нѣтъ тутъ ни слова. А какъ скоро онъ начинаетъ говорить объ открытіи собора въ назначенный день и о томъ, что происходило на соборѣ, то и объ участіи подчиненнаго духовенства не говоритъ ни слова, давая понять, что членами собора были только епископы. Другой историкъ Сократъ Схоластикъ (Церков. Истор. I, 8), буквально заимствуя изъ Евсевія, съ прямою ссылкою на него, сходство и различіе между апостольскимъ и никейскимъ соборами, и говоря, что епископовъ было свыше 300, а сопровождавшихъ ихъ пресвитеровъ, діаконовъ, аколуѳовъ и проч. безчисленное множество, добавляетъ еще слѣдующее: сошлись и многіе міряне, искусные въ діалектикѣ, готовые защищать каждый свою сторону (или партію); не задолго передъ тѣмъ, какъ епископы собрались въ одно мѣсто, діалектики упражнялись въ своемъ

искуствѣ, многихъ привлекая на свою сторону, пока одинъ міря нинъ изъ числа исповѣдниковъ (т. е. пострадавшихъ за христіанство въ предшествовавшія гоненія) не пристыдилъ ихъ, напомнивъ присутствовавшимъ о томъ, что Христосъ и апостолы передали намъ не діалектическое искуство и не пустое обольщеніе, а простое рѣшеніе (или указаніе), соблюдаемое при помощи вѣры и добрыхъ дѣлъ. Все это происходило до открытія собора, но вотъ соборъ открылся, и Сократъ не говоритъ уже ни о какихъ діалектикахъ. Третій историкъ Созоменъ (Церк. Истор. I, 17) разсказываетъ, что въ Никею собралось около 320 епископовъ со множествомъ сопровождавшихъ ихъ пресвитеровъ и діаконовъ; явились вмѣстѣ съ ними и лица, искусныя въ веденіи диспутовъ, готовыя помогать епископамъ своимъ краснорѣчіемъ. И дѣйствительно, по словамъ Созомена, до открытія собора, часто происходили собранія, на которыхъ велись диспуты, какъ епископами, такъ и сопровождавшими ихъ клириками, такъ что даже и ораторствованіе знаменитаго Аѳанасія александрійскаго Созоменъ относитъ ко времени до открытія собора; на это же время падаютъ и состязанія христіанъ съ языческими философами (гл. 18), изъ которыхъ одного, на страхъ другимъ, епископъ константинопольскій Александръ поразилъ нѣмотой, заставивъ его именемъ І. Христа замолчать. А затѣмъ, когда насталъ день открытія собора, и епископы собрались, то они одни и диспутировали между собою, а императоръ примирялъ ихъ (гл. 19—20). Такимъ образомъ ни одинъ изъ трехъ историковъ ничего не знаетъ о совѣщательномъ голосѣ духовенства и міранъ на соборѣ никейскомъ, а тѣмъ болѣе ничего не знаетъ объ организованномъ представительствѣ «міра церкви», которое, по словамъ г. Гидулянова, было привлечено императоромъ на соборъ.

Всѣмъ сказаннымъ еще не закончились затрудненія съ «рецепціей» г. Гидулянова. Повидимому, съ того момента, какъ императоръ «рецепировалъ» соборное постановленіе, да еще подкрѣпивъ себя, для большей вѣрности, организованнымъ представительствомъ отъ міра церкви, соборное постановленіе получило «правовую силу». Но авторъ хорошо знаетъ, что какъ разъ послѣ никейскаго собора началась долговременная религіозная смута вслѣдствіе того, что большинство на востокѣ отказывалось признать никейскую формулу вѣры. И вотъ онъ начинаетъ говорить о свободѣ совѣсти, о томъ, что предъ религіей, какъ плодомъ личнаго внутренняго убѣжденія, безсильны всѣ внѣшнія грубыя силы и и т. д. (стр. 84 и сл.).

Можетъ быть, все то, что сказано было о рецепціи, не распространяется на догматы вѣры? Напротивъ, по словамъ Зома,

для нихъ-то и требовалась рецепція (Kirchenr. 331), что повторяется и Гидулановымъ (стр. 327). А мы знаемъ, на кого перешла рецепція со времени христіанскихъ императоровъ, по мнѣнію г. Гидулянова. Оказывается, что и послѣ императорской рецепціи, даже подкрѣпленной присутствіемъ на соборахъ другихъ представителей отъ міра церкви, рецепція со стороны всей церкви была такъ же необходима, какъ она была необходима до христіанскихъ императоровъ. Теперь понятно, почему авторъ въ одномъ, выше приведенномъ, мѣстѣ своей книги назвалъ императорскую рецепцію «предварительною». Но если такъ, то спрашивается, стоило ли сочинять такую «рецепцію», которая не есть настоящая или истинная рецепція, и изъ которой, однако, авторъ выводитъ всю церковную власть императора? Любопытно также объясненіе г. Гидуляновымъ той оппозиціи, которую никейская формула встрѣтила на востокѣ. Епископы, разсуждаетъ онъ, согласились, по настоянію императора, на чуждую востоку западную фомулу «но міръ церкви отвѣтилъ пассивнымъ сопротивленіемъ» (стр. 141). Тутъ мы довольно неожиданно узнаемъ, что императоръ не только рецепируетъ рѣшеніе епископовъ, но и предлагаетъ учительную норму и настаиваетъ на принятіи ея, что, повидимому, уже не входитъ въ понятіе рецепціи. Затѣмъ будто бы епископы одни согласились, а «міръ церкви» отвѣтилъ пассивнымъ сопротивленіемъ. Но вѣдь, по словамъ г. Гидулянова, на соборѣ присутствовали «двѣ группы»: стало быть, согласилось и «организованное представительство» отъ міра, во главѣ котораго былъ императоръ. А что касается послѣдовавшей за соборомъ смуты, то изъ исторіи неизвѣстно о какихъ-либо мірянахъ, оппонировавшихъ никейскому собору, напротивъ извѣстны имена епископовъ, выступавшихъ главарями партій (ихъ хорошо знаетъ и авторъ, какъ видно изъ его книги). Въ числѣ этихъ епископовъ было немало и такихъ, которые присутствовали на никейскомъ соборѣ и подписались подъ его опредѣленіями. «Міръ церкви» въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ Египтѣ, даже открыто стоялъ за никейскую формулу. Не проще ли объяснять и эту смуту, и смуты, слѣдовавшія за другими соборами, тѣмъ, что санкціонировалась формула, недостаточно напередъ продуманная и усвоенная?

Въ тѣсной связи съ «рецепціей» стоитъ у г. Гидулянова другой вопросъ: о «духовной» и «правовой власти». Для перваго его сочиненія о «Митрополитахъ въ первые три вѣка» различіе между духовною и правовою властію, заимствованное изъ Зома, составляло одинъ изъ устоевъ. Тоже самое нужно сказать и о новомъ его изслѣдованіи о «Патріархахъ». Въ этомъ послѣднемъ онъ старается опровергнуть тѣ возраженія, которыя были сдѣланы ему

по поводу первой его книги. Въ длинномъ примѣчаніи (стр. 201—205) онъ объясняетъ, почему остался недоволенъ моими возраженіями (Ж. М. Нар. Пр. 1906, кн. 2), апеллируетъ къ читателю и полагаетъ, что своими новыми разъясненіями онъ «покончилъ» съ моими возраженіями. На самомъ же дѣлѣ въ этихъ новыхъ разъясненіяхъ онъ окончательно и безнадежно запутался, обнаруживъ вмѣстѣ съ тѣмъ сбивчивость въ понятіяхъ, неумѣстную, казалось бы, въ юристѣ.

Ему было замѣчено, что всякая власть — пусть она будетъ олько духовною — должна признаваться кѣмъ либо, и если она никѣмъ не признавалась, то, значитъ, никакой власти не было, въ томъ числѣ и духовной, притязаніе же осуществлять таковую было всегда притязаніемъ юридическаго свойства. Авторъ отвѣчаетъ, что, «стоя на этой точкѣ зрѣнія, мы должны придти къ тому заключенію, что римскому епископу уже во II и III вв. принадлежала правовая, юридическая, власть надъ всею западною, а пожалуй и восточною церковью». Если напр. римскій епископъ отлучалъ отъ церкви епископовъ Малой Азіи, и отлученіе не производило никакого эффекта, т.-е. епископы продолжали оставаться епископами, не признавая власти папы отлучать ихъ, то, по моему мнѣнію, римскій епископъ выступилъ съ притязаніемъ юридическаго свойства, но встрѣтилъ отпоръ. Выводить отсюда, что, стало быть, тѣмъ самымъ признается правовая власть папы надъ Малою Азіей, можетъ только тотъ, кому неясно различіе между совершенно ясными понятіями: власть и притязаніе на власть. Съ своей стороны г. Гидуляновъ смотритъ на дѣло такъ: если папа оказался безсиленъ что-либо сдѣлать противъ не подчинившихся ег рѣшенію малоазіатовъ, то, значитъ власть его была только духовнаго характера. Слѣдовательн, оразвивая далѣе, путемъ обыкновенной логики, мысль автора, мы должны придти къ изумительному выводу: духовная власть есть такая власть, которая безсильна сдѣлать что-либо противъ сопротивляющихся ей. «Стоя на этой точкѣ зрѣнія», употребимъ выраженіе г. Гидулянова, можно пожалуй придти и къ дальнѣйшему, еще болѣе изумительному, выводу, что всякое притязаніе въ частныхъ и публичныхъ отношеніяхъ, встрѣтившее отпоръ и не увѣнчавшееся успѣхомъ, будетъ не притязаніемъ юридическаго свойства, а «духовною властію», и что кто, не усматривая здѣсь никакой духовной власти, видитъ правовое притязаніе на власть, тотъ тѣмъ самымъ приписываетъ притязающему и самую правовую власть.

Далѣе г. Гидуляновъ остался очень недоволенъ тѣмъ, что я, сопоставляя разныя мѣста въ его книгѣ о «Митрополитахъ», указалъ на синонимическое употребленіе имъ словъ: «духовная

власть», «моральная или нравственная власть», «фактическая власть», «власть малая по объему и содержанію, и слабая по силѣ», «власть несерьезная», «власть почетная». Новыми разъясненіями вызывается не мало новыхъ недоразумѣній. Такъ прежде всего оказывается, что духовную власть онъ продолжаетъ отожествлять съ моральною или нравственною властію. Но вѣдь нравственная власть означаетъ, какъ можно думать, нравственный авторитетъ, которому повинуются, а духовная власть, какъ разъяснилъ намъ г. Гидуляновъ, есть такая власть, которая встрѣчаетъ отпоръ. Затѣмъ, по мнѣнію Зома и Гидулянова, всякій епископъ имѣлъ равную духовную власть надъ всѣми христіанскими общинами, но могутъ ли они съ увѣренностью утверждать, что всякій епископъ имѣлъ равный нравственный авторитетъ въ глазахъ всѣхъ христіанъ?

Въ своихъ новыхъ разъясненіяхъ авторъ не оспариваетъ и того, что «приложеніе духовной, моральной власти покоится на фактѣ, на особенностяхъ отдѣльнаго случая». Слѣдовательно власть «духовная» или «моральная» можетъ быть называема фактическою; но о какомъ же «фактѣ», о какихъ особенностяхъ отдѣльнаго случая можетъ быть рѣчь, если всякій епископъ, какъ епископъ, имѣлъ равную, на все христіанство простирающуюся, духовную власть?

Особеннаго вниманія заслуживаетъ то, что говорится по поводу несправедливо будто бы приписываемаго мною г. Гидулянову отожествленія такъ-называемой «духовной» власти съ властію «малою по объему и содержанію и слабою по силѣ». Онъ смѣло увѣряетъ читателя, что въ цитированномъ мною мѣстѣ первой книги говорилось объ общинахъ, а не объ епископахъ, вѣроятно предполагая, что никто изъ читателей не будетъ наводить точныхъ справокъ въ его первой книгѣ, гдѣ читается буквально слѣдующее: «въ половинѣ III в. провинціальное устройство вступаетъ въ новую фазу своего развитія: изъ *моральной*, основывающейся на добровольномъ согласіи, провинціальная связь превращается въ *правовую*; замѣтнѣе всего это сказалось на положеніи *епископовъ большихъ общинъ*, власть ихъ становится больше, сильнѣе и обширнѣе». Такимъ образомъ я съ своей стороны могу увѣрить читателя, что слово «епископовъ» не мною выдумано, а дѣйствительно стоитъ въ книгѣ г. Гидулянова, и что если «духовная власть» (она же и моральная) съ превращеніемъ ея въ «правовую», сдѣлалась «больше, сильнѣе и обширнѣе», то, стало быть, до этого превращенія, она была малою по объему и содержанію и слабою по силѣ. Зачѣмъ же принимать видъ оскорбленнаго достоинства и протестовать противъ приписываемаго ему критикомъ отожествленія этой такъ-называемой духовной власти, въ отличіе

отъ правовой, съ малою по объему и содержанію, слабою по силѣ, несерьезною, почетною? Можетъ быть, по крайней мѣрѣ, несправедливо приписано г. Гидулянову отожествленіе духовной власти съ несерьезною и почетною? Сейчасъ увидимъ. На стр. 186 магистерской диссертаціи о «Митрополитахъ» говорилось, что, во второй половинѣ III в. (т.-е. когда, по словамъ автора, духовная власть превратилась въ правовую), протосъ (т.-е. епископъ большой общины), опираясь на значеніе рецепціи своей общины для всего мѣстнаго округа, сталъ относиться болѣе серьезно къ принадлежащему ему праву епископскаго избранія въ малыхъ общинахъ своего округа». Отсюда, какъ кажется, можно было вывести, что такъ-назыв. духовная власть есть власть несерьезная, въ отличіе отъ правовой, какъ болѣе серьезной». Г. Гидуляновъ проситъ обратить вниманіе читателя на то, что онъ говоритъ не о серьезной или несерьезной власти, а о болѣе серьезномъ отношеніи къ *существовавшему уже у большой общины и у ея епископа праву* рецепціи рѣшеній малыхъ общинъ. Но вѣдь ему было замѣчено, что «серьезною или несерьезною можетъ быть всякая власть, смотря по серьезному или несерьезному отношенію къ ней ея обладателя (Ж. М. Н. Пр. 1906, кн. 2, стр. 391) такъ что и «правовая власть» въ дѣйствительности можетъ оказаться и серьезною, и несерьезною. А г. Гидуляновъ желалъ сказать, что переходъ духовной власти въ правовую, состоялъ именно въ измѣненіи несерьезнаго отношенія къ власти въ серьезное. Теперь онъ еще болѣе запуталъ дѣло, объясняя намъ, что еще и раньше половины III в. большія общины и ихъ протосы имѣли право рецепціи рѣшеній малыхъ общинъ. Такъ какъ только съ половины III в., по словамъ г. Гидулянова, провинціальная связь стала превращаться изъ духовной въ правовую, а между тѣмъ рецепція, по его же словамъ, имѣетъ свойство сообщать правовую силу всякимъ церковнымъ актамъ, то, спрашивается, какая же рецепція могла существовать до половины III в., когда къ ней относились еще не такъ «серьезно», какъ стали относиться съ половины III в.? Можетъ быть, еще и въ самой рецепціи нужно различать «духовную» и «правовую?»

По поводу отожествленія духовной власти съ почетною, г. Гидуляновъ проситъ читателя обратиться къ 227 стран. его книги о «Митрополитахъ» и убѣдиться, что тутъ ни о какой почетной власти не говорится. Въ качествѣ читателя, я обращаюсь къ этой страницѣ и нахожу здѣсь слѣдующее: авторъ говоритъ объ антіохійскомъ епископѣ, что онъ среди всѣхъ епископовъ Малой Азіи и Сиріи занималъ самое выдающееся мѣсто, но это преимущество, какъ думалъ еще Бевериджъ, было преимуществомъ чести, но

не власти, — это было то самое преимущество, которое въ 381 г. II-й вселенскій соборъ предоставилъ константинопольскому епископу. Авторъ приглашаетъ читателей «остановиться на этой, такъ сказать, почетной, а не правовой сторонѣ власти антіохійскаго епископа». Въ виду того, что правовой власти г. Гидуляновъ всегда противополагалъ духовную, естественно было предполагать, что и въ данномъ случаѣ, говоря о «почетной сторонѣ власти въ отличіе отъ правовой», подъ почетною онъ разумѣетъ духовную же власть. Въ новой своей книгѣ г. Гидуляновъ заявляетъ, что онъ не только не отожествляетъ почетной власти съ духовною, но будто бы ни слова не говоритъ даже ни о какой почетной власти. Но въ такомъ случаѣ является новое недоумѣніе. «Преимущества чести», очевидно не должны быть относимы къ духовной власти, потому что выраженія: «почетная сторона власти», «почетная власть», «преимущества чести» означаютъ, по моему мнѣнію, одно и тоже, а г. Гидуляновъ даже негодуетъ противъ приписывавшагося ему отожествленія духовной власти съ почетною. Между тѣмъ, онъ же самъ, забывъ про свое негодованіе, на стр. 388 разбираемаго изслѣдованія, гдѣ рѣчь идетъ о предсѣдательствѣ епископа антіохійскаго на соборахъ понтійскихъ, которое авторъ относитъ къ «преимуществамъ чести», замѣчаетъ: «конечно, это было только *духовное вліяніе*, о *правовой власти* епископа антіохійскаго въ Понтѣ въ эту эпоху не можетъ быть и рѣчи». Но пусть будетъ такъ, какъ желательно г. Гидулянову. Пусть преимущества чести не относятся къ духовной власти. Но что же они такое? Повидимому, они не относятся и къ правовой власти, потому что въ приведенномъ мѣстѣ почетная сторона власти, какъ мы видѣли, различается отъ правовой. Остается одинъ возможный выходъ: наряду съ извѣстными намъ понятіями духовной и правовой власти поставить еще третье понятіе, или третью логическую категорію—преимущества чести, принадлежавшія, по словамъ автора, епископу антіохійскому среди другихъ епископовъ Сиріи и Малой Азіи, а также константинопольскому епископу на основаніи 2-го канона II всел. собора. Но опять затрудненіе. На стр. 491 новой книги г. Гидулянова говорится: «признавъ константинопольскаго іерарха первымъ епископомъ послѣ римскаго, канонъ этотъ (т. е. канонъ II вселенскаго собора, предоставившій константинопольскому епископу «преимущества чести по римскомъ епископѣ») перенесъ на него *церковную гегемонію надъ всѣмъ востокомъ,—гегемонію, на которую притязалъ епископъ александрійскій*». Я подозрѣваю, что гегемонія есть понятіе «правовое», особенно та гегемонія, на которую притязалъ епископъ александрійскій, ибо его притязанія были несомнѣнно притязаніями правового свойства. Можно подозрѣвать, что, и по существу дѣла,

такія преимущества чести, какъ право занимать первое мѣсто и право предсѣдательствовать на соборахъ, относятся къ области «правовой», а не къ «духовной или моральной».

«Покончивъ» съ моимъ возраженіемъ, какъ выражается авторъ, онъ извлекаетъ новый аргументъ, не использованный имъ въ первой диссертаціи, въ пользу своего различія власти «духовной» и «правовой» изъ Зома, который въ свою очередь ссылается на Гиншіуса (*Hinschius*, Kirchenrecht der Katholiken und Protestanten in Deutschland, B. II, § 79). Въ римско-католической церкви будто бы до сихъ поръ сохранилась мысль, что каждый епископъ, какъ преемникъ апостоловъ, есть епископъ не какой либо опредѣленной христіанской общины, а всей вселенской церкви, и слѣдовательно имѣетъ духовную власть надъ цѣлою церковью, хотя правовая его власть ограничена предѣлами ею діэцеза (Sohm, стр. 346—347). Это разсужденіе Зома едва ли покажется убѣдительнымъ для людей, знакомыхъ съ католической догматикой и съ католическимъ церковнымъ правомъ, признающими лишь за однимъ папой положеніе и титулъ универсальнаго или вселенскаго епископа (episcopus universalis). И дѣйствительно, Гиншіусъ говоритъ вовсе не о томъ, о чемъ говоритъ Зомъ. У Гиншіуса приводится мѣсто изъ конституціи Пія VI отъ 1786 г., въ которой говорится, что епископъ, въ качествѣ преемника апостольскаго, по *божественному праву*, призванъ къ *участію* въ правительствѣ универсальной церкви, но обособленную часть всеобщей паствы, по отношенію къ которой онъ можетъ осуществлять ординарную правительственную власть (ordinariam regiminis potestatem), онъ получаетъ *не по божественному, а по человѣческому праву*, не изъ устъ Христа, а въ силу іерархическаго предписанія (non Christi ore, sed hierarchica ordinatione). Кто захотѣлъ бы оспаривать у римскаго епископа высшую власть въ дѣлѣ назначенія на опредѣленную епископскую каѳедру, тому необходимо затронуть (или поколебать) законное преемство епископовъ въ цѣломъ мірѣ. Вотъ что содержится въ конституціи Пія VI. Это значитъ, что, путемъ различенія божественнаго и человѣческаго *права*, у католическихъ епископовъ отнимается возможность смотрѣть на римскаго епископа, какъ на равнаго имъ: по божественному праву, конечно, всѣ епископы равны, но каждый епископъ получаетъ себѣ въ управленіе опредѣленную часть всеобщей паствы, или опредѣленный діэцезъ, не непосредственно отъ Христа, а отъ папы. Только папа одинъ есть episcopus universalis in toto orbe. Епископъ, не получившій отъ папы опредѣленнаго округа въ управленіе, принимаетъ, въ качествѣ епископа, *участіе* въ управленіи церковью, въ подчиненіи примату и въ связи съ нимъ (in Unterordnung unter dem Primat

und in Verbindung mit demselben), а именно право *соучаствовать* въ представительствѣ католической церкви на вселенскихъ соборахъ посредствомъ подачи голоса (Befugniss diese (gesammte Kirche) *mit* zu repräsentiren, das heisst auf den allgemeinen Koncilien, der Gesammtvertretung der katholischen Kirche, eine Stimme zu führen). Вотъ что говоритъ Гиншіусъ. Неизвѣстно, что общаго усмотрѣлъ Зомъ между не имѣющимъ епархіи католическимъ епископомъ, участвующимъ, въ подчиненіи примату, въ представительствѣ вселенской церкви на соборахъ путемъ подачи голоса, и между древнехристіанскимъ епископомъ, которому Зомъ усвоилъ «духовную власть», простирающуюся на цѣлый міръ, безъ всякаго подчиненія чьему либо примату. Въ католической церкви различіе между положеніемъ епископа по божественному праву и положеніемъ его по человѣческому праву стоитъ въ связи съ абсолютными посвященіями и съ различіемъ между духовною способностію и должностію, а не съ древнецерковною «духовною властію» въ смыслѣ Зома. Посвященіемъ вообще въ какую-либо іерархическую степень сообщается способность, а должность получается черезъ missio legitima, черезъ юридическій актъ уполномоченія или опредѣленія на должность, исходящій отъ высшей іерархической власти. Извѣстно, что, въ эпоху процвѣтанія галликанства во Франціи, французскіе кюре отстаивали взглядъ, что они не только санъ пресвитера, но и должность пароха въ опредѣленномъ приходѣ имѣютъ по божественному праву. Практическій смыслъ этой теоріи состоялъ въ томъ, что положеніе пароховъ, основанное на божественномъ *правѣ,* должно оставаться неприкосновеннымъ для епископовъ и даже для самого папы. Вотъ противъ какихъ взглядовъ направлено поддерживаемое католическою церковью различіе между положеніемъ епископа по божественному праву и положеніемъ его по человѣческому праву. Въ пользу «духовной власти въ отличіе отъ правовой» отсюда никакого аргумента не извлекается: положеніе епископа по божественному праву есть также правовое, а не духовное въ смыслѣ Зома. Жаль, что г. Гидуляновъ удовольствовался разсужденіемъ Зома и его цитатой изъ Гиншіуса, не потрудившись выяснить для себя смыслъ цитируемаго Зомомъ мѣста изъ Гиншіуса.

Дальнѣйшая аргументація г. Гидулянова имѣетъ опять видъ отвѣта на мои возраженія, при чемъ авторъ старается въ моихъ собственныхъ трудахъ найти подкрѣпленіе своему мнѣнію и такимъ образомъ поставить меня въ противорѣчіе съ самимъ собою. Въ статьѣ: «Церковное право какъ юридическая наука» (Юрид. Вѣстн. за 1888 г.) я отрицалъ законодательную власть Христа и апостоловъ, имѣя въ виду различіе католическаго и протестант-

скаго взглядовъ на божественное право и на Христа, какъ законодателя. Смотря по различію взглядовъ, расширяется или суживается объемъ человѣчскаго *правообразованія*, хотя и это послѣднее все таки обосновывается на волѣ Божіей, а съ другой стороны и божественное право есть право въ «правовомъ», а не въ «духовномъ смыслѣ». Христа я не рѣшаюсь назвать законодателемъ съ православной точки зрѣнія потому, что если бы считалась заповѣдь Христа юридически-обязательнымъ закономъ, то трудно было бы объяснить, почему въ восточно-каноническомъ правѣ допускались и допускаются разные поводы къ разводу, несмотря на то, что въ Евангеліи говорится о единственно-допустимомъ поводѣ къ разводу—о винѣ любодѣянія. Апостоловъ я не рѣшаюсь назвать законодателями въ юридическомъ смыслѣ, сравнивая ихъ съ нынѣшними миссіонерами, которые распространяютъ среди не·христіанскихъ народовъ христіанство, и о которыхъ нельзя сказать, что они законодательствуютъ. Ничего подобнаго духовной власти въ отличіе отъ правовой тутъ нѣтъ. Воля Христа, даже и «рецепированная», не сдѣлается правовою, пока не облечется въ формы человѣческаго законодательства, или по крайней мѣрѣ обычнаго права. Апостолы не были законодателями, но это не значитъ, что они имѣли только духовную власть, и никакой правовой. Основывая христіанскія общины, они устанавливали въ нихъ христіанскій порядокъ жизни. Не издавая законовъ въ нашемъ смыслѣ, въ случаѣ надобности они поддерживали дисциплину, а это уже должно быть относимо къ области «правовой».

Далѣе, въ рецензіи магистерской диссертаціи г. Гидулянова было сказано: «фактическое обладаніе моральною властію даже представить себѣ трудно, хотя авторъ, повидимому, легко представляетъ его себѣ, такъ какъ, по его словамъ, Аполлинарій іерапольскій какимъ-то образомъ ухитрился захватить въ свои руки высшую моральную власть». По этому поводу г. Гидуляновъ призываетъ къ себѣ на помощь автора новѣйшей монографіи о власти и правѣ проф. Паліенко и Еллинека. Изъ перваго онъ извлекаетъ разсужденіе о томъ, что авторитетъ основателя религіи, великаго мыслителя, завоевателя, родителей въ отношеніи къ дѣтямъ, кудесниковъ, жрецовъ, авторитетъ такъ называемыхъ мудрѣйшихъ, добрѣйшихъ, старѣйшихъ людей въ общественныхъ союзахъ, авторитетъ касты, общественной группы, образуется фактически въ силу самыхъ разнообразныхъ причинъ и не предполагаетъ непремѣнно для своего образованія существованіе юридическихъ нормъ, предписывающихъ подчиненіе и признаніе этого авторитета. Правовая санкція такого авторитета слѣдуетъ позже, и слѣдующимъ образомъ: постоянное, хотя бы даже въ силу страха, повиновеніе

предписаніямъ фактически установившагося авторитета, порождаетъ въ людяхъ представленіе, что такъ должно быть, другими словами, что авторитетъ, отъ котораго исходятъ правовыя нормы, самъ основанъ на правѣ, отсюда нормативная сила фактовъ, образующая убѣжденіе въ правомѣрности извѣстнаго состоянія. Тотъ же смыслъ имѣетъ цитата, извлекаемая г. Гидуляновымъ изъ Еллинека: «приказаніямъ духовныхъ или нравственныхъ авторитетовъ сперва повинуются изъ страха, или изъ другихъ мотивовъ, и отсюда развивается представленіе, что часто повторенный приказъ, самъ по себѣ, независимо отъ своего источника, въ силу своей внутренней обязывающей силы, является правиломъ, которому должно повиноваться». Читая цитированныя мѣста, невольно недоумѣваешь, зачѣмъ автору понадобилось ссылаться на нихъ. Никто не отвергалъ того, что власть, основанная на фактѣ, позднѣе получаетъ юридическое признаніе и становится правомѣрною. Можно было бы замѣтить только, что г. Паліенко напрасно помѣстилъ кудесника и мыслителя наряду съ завоевателями, родителями, мудрѣйшими и старѣйшими людьми въ общественныхъ союзахъ и т. д., потому что вліяніе кудесника, оратора, опернаго пѣвца или пѣвицы едва ли когда-нибудь превращается въ юридическій авторитетъ, отъ котораго исходятъ юридическія нормы. Но вѣдь г. Гидулянову не то нужно было доказывать. Слѣдя за ходомъ его мысли, можно было ожидать, что вотъ-вотъ онъ докажетъ, что владѣніе вещію, основанное на законѣ, есть власть правовая, а владѣніе вещью, основанное на фактѣ, есть власть духовная. Но этого не случилось и не должно было случиться, потому что ему на самомъ дѣлѣ нужно было доказать, что «моральной» или «духовной» власти предшествуетъ фактическое обладаніе, даже фактическій захватъ этой самой власти. Однако, между фактическимъ обладаніемъ моральною властію и самою моральною властію едва ли можетъ существовать то соотношеніе, которое существуетъ между фактическою и правовою властію. О томъ, кто фактически получилъ моральную власть (только не захватомъ, потому что для моральной власти требуется моральный авторитетъ, который захватить не такъ легко, какъ захватить въ свое владѣніе какую-либо вещь),— о томъ можно сказать, что его фактическая моральная власть и есть то, что называется моральною властью. Сколько времени она продолжается,—это совершенно безразлично. Она можетъ исчезнуть такъ же быстро, какъ быстро возникла, можетъ продолжаться болѣе или менѣе долгое время, и если превратится въ правовую, то перестанетъ быть моральною только. Къ «духовной» власти г. Гидулянова приведенныя цитаты идутъ тѣмъ менѣе, что никакого постояннаго и даже однократнаго повиновенія не было, когда напр.,

отлученные римскимъ епископомъ малоазіаты игнорировали это отлученіе, а между тѣмъ г. Гидуляновъ, какъ мы знаемъ, потому именно и называетъ власть римскаго епископа надъ Малой Азіей только духовною, а не правовою, что отлученіе его здѣсь не имѣло никакихъ послѣдствій.

Какъ бы для того, чтобы окончательно запутать достаточно уже запутанный предыдущими «разъясненіями» вопросъ о различіи между духовною и правовою властію, авторъ дѣлаетъ справку въ моемъ «Учебникѣ церков. права» изд. 1898 г., въ которомъ будто бы я самъ различалъ духовную и правовую власть. Христіане первыхъ вѣковъ, говорилъ я, слѣдуя наставленію апостола Павла, избѣгали языческихъ судовъ, и свои спорныя дѣла, даже касавшіяся гражданскихъ отношеній, представляли на разсмотрѣніе епископовъ, рѣшенія которыхъ, не имѣвшія исполнительной силы въ государствѣ, опирались исключительно на нравственный авторитетъ епископовъ и на церковную дисциплину (г. Гидуляновъ вставляетъ здѣсь въ скобкахъ: духовная епископская власть!) Судъ по дѣламъ духовнымъ, говорилось далѣе въ учебникѣ изд. 1898 г. насколько могъ въ нихъ заключаться юридическій элементъ, подлежащій спору и судебному разбирательству, остался за церковью и при христіанскихъ императорахъ, при чемъ въ X и XI вв. къ духовнымъ дѣламъ причислены были дѣла брачныя... Съ X в. эти дѣла стали подлежать исключительно вѣдомству духовнаго суда съ юридическими послѣдствіями и для области гражданскаго права (въ скобкахъ восклицаніе г. Гидулянова: правовая власть!). Авторъ разсматриваемаго сочиненія, очевидно, смѣшалъ дисциплинарный судъ съ духовною властію, забывъ, 1) что его „духовная» власть никого не связываетъ и не обязываетъ, простираясь на весь міръ вообще и ни на кого въ особенности, 2) что дисциплинарный судъ, хотя бы рѣшенія его не имѣли исполнительной силы въ государствѣ, разсчитанъ на *опредѣленную* группу повинующихся нравственному авторитету и *дисциплинѣ* людей и долженъ быть отнесенъ къ категоріи правовой власти, напр. странно было бы говорить, что профессорскій дисциплинарный судъ, основанный на нравственномъ авторитетѣ профессоровъ и на дисциплинарныхъ правилахъ, есть «духовная» власть въ смыслѣ г. Гидулянова, 3) что если государство связываетъ съ рѣшеніями дисциплинарнаго суда послѣдствія для области гражданскаго права, то о немъ нельзя сказать, что оно превращаетъ духовное въ правовое, а слѣдуетъ сказать, что праву, возникшему въ общественномъ кругѣ, государство усвояетъ публичный характеръ, откуда вытекаетъ исполнительная сила рѣшеній общественнаго суда, существовавшаго до тѣхъ поръ въ качествѣ просто общественнаго, можетъ быть даже и не признававшагося государствомъ, суда.

Въ сочиненіи г. Гидулянова есть несомнѣнныя достоинства, хотя опять не безъ недостатковъ. Авторъ хорошо освѣдомленъ въ церковной исторіи изученнаго имъ періода,—достоинство не малое, если принять въ соображеніе, что и профессіональные историки церкви не всегда обнаруживаютъ это достоинство. Авторъ широко освѣдомленъ въ обширной литературѣ по вопросамъ, которыхъ ему приходилось касаться въ своей диссертаціи. Хотя конструкція перехода рецепціи съ «міра церкви» на императора оказалась предпріятіемъ въ высшей степени неудачнымъ, какъ равно неудачнымъ же оказалось воспроизведеніе Зомовскаго различія между духовною и правовою властію, но диссертаціей г. Гидулянова восполняется замѣтный пробѣлъ въ русской церковно-исторической и канонической литературѣ являющійся послѣдствіемъ того, что вопросъ о факторахъ власти, дѣйствовавшихъ на вселенскихъ соборахъ, очень мало затрогивается. Съ наибольшею обстоятельностію очерчено центральное положеніе императорской власти среди боровшихся между собою церковныхъ партій въ царствованія Константина Великаго и Констанція. Обстоятельно же очерчены особенности въ церковномъ устройствѣ Египта. Наконецъ авторъ собралъ и освѣтилъ много данныхъ въ пользу отрицательнаго отвѣта на вопросъ: предшествовало ли образованію въ V в. четырехъ восточныхъ патріархатовъ вполнѣ сформированное устройство церкви по пяти діэцезамъ восточной имперіи. Послѣ изысканій автора по этому вопросу не легко будетъ отстаивать положеніе, что въ теченіе IV в. сложилось полное соотвѣтствіе между гражданскими и церковными діэцезами въ томъ смыслѣ, что въ предѣлахъ каждаго изъ имперскихъ діэцезовъ существовалъ высшій епископъ, имѣвшій въ своемъ подчиненіи провинціальныхъ митрополитовъ и созывавшій епископовъ всѣхъ провинцій своего діэцеза на соборъ. Александрійскій епископъ, конечно, имѣлъ власть надъ всѣми епископами Египта. О константинопольскомъ епископѣ также можно сказать, что власть его росла быстро. Но объ остальныхъ высшихъ епископахъ трехъ остальныхъ діэцезовъ—антіохійскомъ въ діэцезѣ восточномъ (Oriens въ тѣсн. см.), кесарійскомъ въ Понтѣ и ефесскомъ въ Малой Азіи—нужно сказать, что власть ихъ не простиралась на всѣ провинціи даннаго имперскаго діэцеза, а съ другой стороны могла переходить иногда за границы этого діэцеза въ другіе діэцезы. Обстоятельства времени до царствованія Θеодосія В. были таковы, что едва ли и возможно было проводить *систематически* церковно діэцезальную систему. Въ предѣлахъ одного имперскаго діэцеза епископы могли принадлежать къ разнымъ партіямъ и не желали имѣть общеніе съ епископомъ главнаго города имперскаго діэцеза, если этотъ при-

надлежалъ къ другой партіи, особенно къ такой, которая не пользовалась покровительствомъ наличнаго императора (въ Антіохіи бывало даже по нѣскольку партійныхъ епископовъ въ одно и то же время), но съ другой стороны единомысленные съ епископомъ главнаго города діэцеза епископы другихъ діэцезовъ могли тяготѣть къ нему, какъ къ своему руководящему центру.

Но г. Гидуляновъ ошибочно поступаетъ, желая доказать, что въ восточной церкви даже и стремленія никакого не наблюдается къ образованію въ предѣлахъ имперскихъ діэцезовъ высшей надъ провинціями церковной единицы. Особенно въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе натянутое толкованіе авторомъ 6 правила II вселенскаго собора 381 г., хотя самъ же онъ, какъ было упомянуто выше, утверждалъ, что съ вторымъ вселенскимъ соборомъ въ восточное каноническое право проникло понятіе церковнаго діэцеза. Въ 6-мъ правилѣ этого собора говорится, что обвиненія противъ епископовъ должны быть представляемы провинціальному собору, а если провинціальный соборъ окажется не въ силахъ возстановить порядокъ по возводимымъ на епископа обвиненіямъ, то обвинители должны обратиться къ *большему собору епископовъ того діэцеза*, нарочито созываемыхъ по этому поводу. А въ концѣ правила добавляется, что, если кто, презрѣвъ постановленное (этимъ бо́льшимъ соборомъ діэцеза) рѣшеніе, дерзнетъ или слухъ царскій утруждать, или суды мірскихъ начальниковъ, или вселенскій соборъ безпокоить, обезчестивъ тѣмъ самымъ *всѣхъ епископовъ діэцеза*, таковой да не будетъ принимаемъ съ своей жалобой, какъ нанесшій оскорбленіе правиламъ и нарушившій церковное благочиніе. Въ виду этого правила, естественно думать, что епископы діэцеза представляются въ немъ какъ единое, организованное цѣлое, что это цѣлое должно проявлять свою жизнь на соборѣ діэцеза, и что предсѣдателемъ на соборѣ едва ли могъ бы быть кто-либо другой, кромѣ епископа главнаго города діэцеза. Г. Гидуляновъ несогласенъ съ этимъ. Канонъ 6-й, по его мнѣнію, говоритъ не просто о діэцезальномъ соборѣ, но о бо́льшемъ діэцезальномъ соборѣ: «а вѣдь это», разсуждаетъ онъ, «большая разница!» Спрашивается, что же это такое — бо́льшій діэцезальный соборъ? Это, отвѣчаетъ авторъ, провинціальный же соборъ, усиленный сосѣдними епископами даннаго діэцеза. Такъ какъ слово: «сосѣдніе» отсутствуетъ въ приведенномъ правилѣ, которое говоритъ объ епископахъ діэцеза, а не о сосѣднихъ, въ заключеніе же считаетъ презрѣвшихъ соборное постановленіе оскорбителями чести *всѣхъ* епископовъ діэцеза, а не сосѣднихъ только, то нужно было имѣть нѣкоторую отвагу, чтобы доказывать положеніе, формулированное г. Гидуляновымъ. Но онъ рѣшился на это предпрія-

тіе и доказываетъ свой тезисъ ссылкой на правила другихъ соборовъ: антіохійскаго 341 г., сардикскаго 343 г., лампсакскаго 364—365 г. и III вселенскаго 431 г., на основаніи которыхъ составъ суда второй инстанціи, по его мнѣнію, опредѣленъ былъ именно такъ, какъ онъ говоритъ. Въ правилахъ антіохійскаго собора дѣйствительно говорится, что судъ высшей инстанціи надъ провинціальнымъ соборомъ есть тотъ же провинціальный соборъ, на который, кромѣ того, митрополитъ данной провинціи приглашаетъ нѣкоторыхъ другихъ епископовъ изъ сосѣдней провинціи. Правила сардикскаго собора говорятъ, что судъ второй инстанціи составляется римскимъ епископомъ, который для новаго разсмотрѣнія дѣла, рѣшеннаго провинціальнымъ соборомъ, назначаетъ судей изъ сосѣднихъ съ тою провинціей епископовъ, безъ всякаго участія судей первой инстанціи. Не останавливаясь на этой немаловажной разницѣ между правилами того и другого соборовъ и допуская, что тотъ и другой соборы говорятъ о сосѣднихъ епископахъ, мы не должны, однако, забывать, что оба собора отдѣлены отъ второго вселенскаго 381 г. 40-лѣтнимъ промежуткомъ времени. Истолковывать смыслъ канона 381 г. канонами, изданными за 40 лѣтъ раньше, въ данномъ случаѣ въ особенности неудобно, потому что въ теченіе именно этого 40-лѣтняго періода обнаружились явленія, хорошо извѣстныя г. Гидулянову. На стр. 487 его книги говорится: «Вторая половина IV в. была временемъ ожесточенной борьбы честолюбія. Каждый, сколько-нибудь выдающійся, митрополитъ старался занять на востокѣ такое положеніе, которое на западѣ принадлежало римскому епископу. Подобно тому какъ во второй половинѣ IV в. (III в.?) шла борьба изъ-за подчиненія отдѣльныхъ епископовъ власти митрополита, такъ нынѣ сражались изъ-за подчиненія простыхъ митрополитовъ власти высшихъ митрополитовъ, такъ-сказать митрополитовъ надъ митрополитами». Можно согласиться съ г. Гидуляновымъ, что во времена антіохійскаго собора не существовало идеи церковнаго діэцеза, который бы соотвѣтствовалъ имперскому діэцезу, и представлялось возможнымъ приглашеніе митрополитомъ провинціи сосѣднихъ епископовъ изъ другой провинціи, ему не подчиненной. Со второй половины IV в., при изображаемомъ авторомъ честолюбіи митрополитовъ, это, повидимому, очень простое дѣло должно было затрудниться. Митрополитъ провинціи, въ которой возбуждено было обвиненіе противъ епископа, могъ вызвать сосѣднихъ епископовъ изъ другой провинціи для участія въ судѣ второй инстанціи, а митрополитъ той провинціи, къ которой принадлежали вызываемые епископы, могъ запретить имъ путешествіе на чужой соборъ. Не невозможно, что ко времени II вселенскаго собора путемъ опыта

выяснились для епископовъ неудобства подобнаго созванія соборовъ, а въ то же время членамъ собора, съ началомъ царствованія Ѳеодосія Великаго, открывалась перспектива господства православія безъ того сильнаго противодѣйствія, которое оно встрѣчало со стороны враждебныхъ церковныхъ партій въ предшествовавшее время, когда высшія епископскія каѳедры могли быть занимаемы епископами неправославными. Вотъ почему слѣдуетъ предполагать, что созваніе собора не сосѣднихъ епископовъ, о которыхъ въ 6-мъ конст. кан. ничего не говорится, а созваніе собора діэцеза, должно было, по мысли констант. отцовъ, принадлежать высшему епископу діэцеза, а не провинціальному митрополиту. Созываться имъ должны были *всѣ* епископы діэцеза—этого по крайней мѣрѣ желалъ соборъ—и *всѣ* они должны были считать себя оскорбленными, еслибы кто-либо не отнесся съ должнымъ уваженіемъ къ ихъ соборному постановленію.

Еще меньшую доказательную силу имѣетъ ссылка г. Гидулянова на соборы лампсакскій и ефесскій 431 г., потому что они даже и не говорятъ о судѣ второй инстанціи. Лампсакскій соборъ 364 или 365 гг., свѣдѣнія о которомъ находятся у Сократа (Церк. Ист. IV, 2 и 4) и болѣе подробныя у Созомена (Церк. Ист. VI, 7), составился, по словамъ послѣдняго, изъ епископовъ Геллеспонта и Виѳиніи и прочихъ, которые стоятъ за единосущіе Сына съ Отцемъ (т.-е. тутъ могли быть епископы не только изъ разныхъ провинцій, но и изъ разныхъ имперскихъ діэцезовъ) при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Означенные епископы отправили къ новоизбранному императору Валентиніану депутата просить его о дозволеніи имъ собраться для исправленія ученія вѣры. Валентиніанъ (очевидно, ничего не знавшій о переходѣ на него «рецепціи» съ «міра церкви») отвѣтилъ депутату: «мнѣ, міранину, не слѣдуетъ вдаваться въ тщательное изслѣдованіе подобныхъ дѣлъ, а іереи (т. е. епископы), на попеченіи которыхъ они лежатъ, пусть собираются гдѣ угодно». Получивъ этотъ отвѣтъ, епископы собрались въ Лампсакѣ и, послѣ двухмѣсячныхъ разсужденій, постановили: кассировать все, что было постановлено въ Константинополѣ усиліями Евдоксія и Акакія (т.-е. аріанскою партіей, господствовавшею при Констанціѣ) и всѣхъ, низложенныхъ ими, епископовъ возстановить на ихъ каѳедрахъ, какъ низложенныхъ несправедливо. Если же кто-либо пожелаетъ выступить противъ возстановленнаго епископа съ обвиненіемъ, пусть выступаетъ подъ страхомъ тальона (ἐκ τοῦ ἴσου κινδύνου), т.-е. подъ страхомъ подвергнуться тому же наказанію въ случаѣ недоказанности обвиненія, какому подвергся бы обвиненный, если бы преступленіе было доказано. Судьями же въ такихъ случаяхъ должны быть православные епископы данной провинціи,

къ которой принадлежитъ обвиняемый, вмѣстѣ съ епископами *сосѣднихъ провинцій*, при чемъ мѣстомъ собранія должна служить та церковь, въ которой въ наличности находятся свидѣтели того, что кто сдѣлалъ. Рѣчь идетъ о *судѣ первой инстанціи* надъ возстановленными епископами послѣ кассаціи предшествующаго несправедливаго осужденія, и судъ этотъ образуется не съ участіемъ епископовъ сосѣдней провинціи, а изъ епископовъ данной провинціи и изъ *сосѣднихъ провинцій*, можетъ быть даже принадлежавшихъ къ разнымъ имперскимъ діэцезамъ. Обстоятельства времени были таковы, что единомышленнымъ епископамъ приходилось думать не о географическихъ границахъ округовъ, а о томъ, чтобы собраться въ возможно большемъ числѣ, въ виду сильной противной партіи. Впрочемъ, слѣдуетъ добавить, что епископы, которыхъ Созоменъ называлъ православными, у Сократа представляются послѣдователями македоніанской секты (τῆς Μακεδονιανῶν θρησκείας). Обстоятельства же времени нужно имѣть въ виду и при объясненіи правила ефесскаго собора, на которое сослался г. Гидуляновъ. Хотя ефесскій соборъ состоялся спустя 50 лѣтъ послѣ II всел. собора, когда слѣдовательно могла уже окончательно окрѣпнуть идея церковнаго діэцеза, ефесскіе каноны были изданы при такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ невозможно было разсчитывать на діэцезальный соборъ подъ предсѣдательствомъ епископа главнаго города діэцеза. Извѣстна бурная исторія ефесскаго собора, или, правильнѣе говоря, двухъ ефесскихъ соборовъ, одновременно дѣйствовавшихъ—одного подъ предсѣдательствомъ Кирилла александрійскаго, другого подъ предсѣдательствомъ Іоанна антіохійскаго. Въ послѣднемъ было много митрополитовъ изъ восточнаго діэцеза. Кирилловскій соборъ въ VII-мъ своемъ засѣданіи составилъ окружное посланіе ко всѣмъ епископамъ, клирикамъ и мірянамъ, оповѣщая объ отлученіи имъ Іоанна антіохійскаго и его приверженцевъ, поименно перечисляемыхъ. Къ этому окружному посланію присоединены были (см. *Hefele*, Conciliengeschichte, II, 209) шесть каноновъ. Всѣ они носятъ спеціальный характеръ, такъ какъ имѣютъ въ виду не установленіе общихъ нормъ церковнаго порядка, а мѣры противъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ Ефесѣ противъ Кирилла, и противъ ихъ возможныхъ приверженцевъ. Канонъ І-й, который цитируется г. Гидуляновымъ, гласитъ, что если *провинціальный митрополитъ*, отступивъ отъ св. вселенскаго собора (т.-е. кирилловскаго), присоединится къ отступническому сонмищу (т.-е. къ другому собору Іоанна антіохійскаго), или послѣдуетъ ученію пелагіанскому, то онъ не можетъ имѣть *никакой власти надъ епископами своей провинціи, какъ осужденный. А епископамъ его провинціи и сосѣднимъ православнымъ митрополитамъ* слѣдуетъ позаботиться о совершенномъ

его низложеніи. Такимъ образомъ здѣсь рѣчь идетъ даже и не о судѣ первой или второй инстанціи, а о приведеніи въ исполненіе состоявшагося уже приговора. Кирилловскій соборъ зналъ, что оріенталы представляютъ собою сплоченную партію, и могъ разсчитывать не на тѣхъ, которые были въ Ефесѣ, а на тѣхъ, которыхъ не было въ Ефесѣ. Нужно было, чтобы приговоръ, состоявшійся надъ митрополитами, былъ приведенъ въ исполненіе. Епископы той провинціи, во главѣ которой стоялъ отлученный митрополитъ, не должны признавать его власти, а напротивъ, должны позаботиться о совершенномъ его низложеніи. Такъ какъ на содѣйствіе главы оріенталовъ Іоанна антіохійскаго нельзя было разсчитывать, потому что самъ онъ былъ отлученъ, а епископы провинціи не могли бы справиться съ своимъ митрополитомъ, т.-е. низложить его во исполненіе соборнаго приговора избраніемъ на его мѣсто новаго митрополита, то епископамъ провинціи и сосѣднимъ православнымъ митрополитамъ предписывается исполнить приговоръ. Ефесскій канонъ едва ли не былъ лишь благочестивымъ желаніемъ, потому что не легко было въ томъ районѣ, на который онъ разсчитывался, найти митрополитовъ, стоявшихъ на сторонѣ Кирилла противъ Іоанна антіохійскаго, если только не имѣлись въ виду сосѣдніе митрополиты другихъ діэцезовъ Понта и Азіи. Изъ всего этого слѣдуетъ, что разъяснять смыслъ 6 кн. II всел. соб., вопреки буквальному его смыслу, постановленіями лампсакскаго и ефесскаго соборовъ для г. Гидулянова было еще меньше основанія, чѣмъ сопоставлять этотъ канонъ съ правилами антіохійскаго и сардикскаго соборовъ.

Нежеланіе допустить возможность образованія церковныхъ діэцезовъ въ IV в. привело автора и къ другимъ натяжкамъ. Наприм. на стр. 280 и слѣд. не придается никакого значенія повелѣнію императора Констанція всѣмъ восточнымъ епископамъ, въ томъ числѣ епископамъ понтійскаго и азійскаго діэцезовъ собраться на соборъ селевкійскій 359 г. Допустимъ, что рѣчь тутъ шла о гражданскихъ діэцезахъ, но отсюда недалеко было до мысли, что епископы гражданскаго діэцеза обособляются въ отдѣльную группу. Много натяжекъ въ разсужденіи автора о Понтѣ и о Василіи Великомъ, характеристику котораго нельзя не назвать рискованною. Въ 30-мъ письмѣ Василія В. имѣется слѣдующее мѣсто: τέως δὲ ἡ Νεοκαισάρεια καὶ ἡ Ἄγκυρα ἔδοξαν ἔχειν διαδόχους και μέχρι τοῦ νῦν ἡσυχάζουσιν. Г. Гидулянов въ магистерской своей диссертаціи и въ разсматриваемомъ сочиненіи доказываетъ правильность слѣдующаго перевода: «Неокесарія и Анкира имѣютъ, *кажется*, преемниковъ на мѣстахъ почившихъ, доселѣ спокойны». При такомъ переводѣ предполагалось бы, что Василій В. настолько не интересовался

Неокесаріей и Анкирой, что даже не зналъ навѣрное, были ли тамъ епископы—преемники почившихъ епископовъ. Такое предположеніе всего менѣе согласовалось бы съ характеристикой Василія Великаго, которую мы находимъ у самого г. Гидулянова. «Духовный» глава всего востока, взоръ котораго простирался на всю вселенную, и который въ особенности заявлялъ, по словамъ автора, свои властолюбивыя притязанія на Неокесарію и Анкиру, не зналъ бы навѣрное, что дѣлается неподалеку отъ него въ Неокесаріи и Анкирѣ! А слова: «доселѣ спокойны «совсѣмъ не гармонировали бы съ сомнѣніемъ въ томъ, имѣются ли въ Неокесаріи и Анкирѣ епископы или нѣтъ. Затѣмъ, слово «ἔδοξαν», какъ латинское «videbantur» означаетъ не «кажется», а «казалось». Поэтому я находилъ и нахожу болѣе правильнымъ такой переводъ: Анкирѣ и Неокесаріи казалось, что они имѣютъ преемниковъ почившимъ, и доселѣ спокойны, другими словами онѣ вообразили, что имѣютъ законныхъ преемниковъ, и успокоились на этомъ. Нѣтъ достаточнаго основанія видѣть въ словахъ Василія, при такомъ переводѣ, непозволительную иронію, или самопротиворѣчіе, какъ разсуждаетъ г. Гидуляновъ. Подобныя слова можно говорить не только съ ироніей, но и со вздохомъ сожалѣнія, даже съ сокрушеніемъ. А самопротиворѣчіе, которое, по мнѣнію г. Гидулянова, состояло бы въ томъ, что Василій въ ужасъ приходилъ отъ повторенія рукоположенія надъ рукоположенными еретиками, и слѣдовательно тѣмъ менѣе могъ считать незаконными рукоположенія нееретическія, есть не болѣе, какъ плодъ недоразумѣнія. Василій, признававшій дѣйствительность еретическихъ рукоположеній, имѣлъ въ 6 прав. I всел. собора основаніе считать ничтожными всѣ посвященія, которыя состоялись безъ наличности всѣхъ необходимыхъ условій для акта посвященія. Такъ какъ однимъ изъ необходимыхъ условій было соизволеніе митрополита, а Василій В., какъ доказываетъ самъ г. Гидуляновъ на стр. 349—352, притязалъ на высшую митрополитскую власть надъ Неокесаріей и Анкирой, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что совершенныя безъ его вѣдома посвященія онъ считалъ незаконными и ничтожными посвященіями. Если онъ не въ силахъ былъ провести этотъ взглядъ и даже вынужденъ былъ писать примирительное посланіе въ Неокесарію, изъ которой не сдѣлано было никакихъ шаговъ къ сближенію съ Василіемъ, то причиною этого были неблагопріятно для него сложившіяся обстоятельства, противъ которыхъ онъ ничего не могъ сдѣлать. Авторъ ни слова не говоритъ о томъ, что, когда изъ собственной провинціи Василія—Каппадокіи выдѣлена была другая гражданская провинція Каппадокія II-я съ Тіаной, какъ главнымъ городомъ, и

епископъ тіанскій Анѳимъ сталъ дѣйствовать, какъ митрополитъ, не подчиненный Василію (*Migne*, Patrol. gr. tom. 32, epist. 74—78) послѣдній ничего не могъ сдѣлать съ нимъ и, не желая питать смуту, по словамъ Григорія Назіанзина (*Migne*, tom. 36, orat. 43), обратилъ это бѣдствіе на пользу церкви, снабдивъ свое отечество, т. е. оставшуюся подъ его властію Каппадокію 1-ю, большимъ числомъ епископовъ, откуда проистекали три прекрасныя послѣдствія: 1) усиленіе пастырскаго попеченія о душахъ, 2) предоставленіе каждому городу своихъ доходовъ (безъ необходимости нести расходы въ пользу епископа иногородняго) и 3) конецъ борьбѣ (съ Анѳимомъ тіанскимъ). Этотъ фактъ далеко не согласуется съ тою характеристикой Василія В., которую находимъ у автора. Василій, представляется у него церковнымъ политикомъ, образъ дѣйствій котораго имѣлъ въ своемъ основаніи властолюбіе, простиравшееся даже далеко за предѣлы понтійскаго діэцеза. Но, наприм., говоря о вовлеченіи Амфилохія иконійскаго въ сферу власти Василія и ссылаясь на изслѣдованіе Голля (*Holl*, Amphilochius v. Ikonium), авторъ забываетъ сказать то, что не забыто Голлемъ, именно что Василій, когда иконійцы обратились къ нему съ требованіемъ дать имъ епископа, вначалѣ колебался, не рѣшаясь на ὑπερόριος χειροτονία (*Holl*, 14). У автора говорится: «Послѣ смерти иконійскаго епископа Фавстина, жители овдовѣвшаго города обратились къ Василію съ просьбою дать имъ епископа. Василій не остался глухъ къ ихъ просьбѣ и поставилъ имъ во епископы своего земляка Амфилохія» (стр. 400). Слѣдовательно тутъ опущено нѣчто такое, изъ чего можно заключить, что Василій принципіально держался правила не выходить за предѣлы понтійскаго діэцеза, и если согласился на ὑπερόριος χειροτονία, т. е. на хиротонію за предѣлами Понта (такъ какъ Ликаонія съ главнымъ городомъ Иконіей входила въ азійскій діэцезъ), то лишь вслѣдствіе требованія иконійцевъ. Обстоятельства времени—опять они же—были таковы, что нужно было думать о сплоченности силъ противъ враждебныхъ партій, и если Василій В., которому, по словамъ автора, съ 373 г. принадлежало «главенство въ восточной церкви въ смыслѣ духовной власти, нравственнаго вліянія», (стр. 392) приходилось заботиться и о такихъ провинціяхъ, которыя не входили въ предѣлы понтійскаго діэцеза, то г. Гидуляновъ менѣе, чѣмъ кто-либо, правъ, обвиняя Василія во властолюбіи. Не болѣе основательно и другое обвиненіе въ частыхъ нарушеніяхъ каноническихъ правилъ. Голль говоритъ, что, при посвященіи Амфилохія, Василіемъ была допущена, кромѣ ὑπερόριος χειροτονία, еще ordinatio per saltum. Нашъ авторъ, не упомянувъ объ ὑπερόριος χειροτονία, въ ordinatio per saltum также видитъ нарушеніе каноническаго права. Но для обвиненія

въ нарушеніи каноническихъ правилъ, требовалось бы доказать, что въ это время существовало на востокѣ каноническое правило о совершеніи посвященій въ строгомъ порядкѣ послѣдовательности, безъ скачковъ. Не довольствуясь двумя упомянутыми «kanonische Verstosse», Голль въ примѣч. 4 на стр. 14 добавляетъ: «aber Basilius hat auch sonst in *Nothtall* offen die kanonische Regel durchbrochen», при чемъ ссылается на 217 epistk. Василія В. Г. Гидуляновъ въ примѣч. 7 на стр. 400 говоритъ: впрочемъ, *какъ мы уже замѣтили*, нарушеніе церковнаго права Василіемъ практиковалось *часто*. Просматривая предыдущія страницы книги, видимъ, что на стр. 350—351 указанъ еще одинъ случай—согласіе Василія участвовать въ соборѣ никопольскомъ въ предѣлахъ гражданской провинціи Арменіи I. Провинція эта существовала раньше, а не вновь образована или выдѣлена, но епископъ никопольскій «обычно» подчинялся епископу севастійскому, какъ своему митрополиту. Въ данномъ случаѣ епископъ никопольскій созвалъ соборъ епископовъ Арменіи I-й, безъ участія севастійскаго митрополита. Василій В. выразилъ согласіе на участіе въ этомъ соборѣ и тѣмъ нарушилъ, по мнѣнію г. Гидулянова, 9 и 16 кан. антіох. собора. Здѣсь нужно бы было доказать, что антіохійскіе каноны имѣли во время Василія В. такую же обязательную силу на всемъ востокѣ, какую они получили со времени принятія ихъ въ церковные сборники. Если Василію В. приходилось примиряться съ митрополитскими правами во вновь образовавшейся провинціи (Анѳимъ тіанскій), то тѣмъ легче онъ могъ допускать права епископа никопольскаго, лишь «обычно» подчинявшагося до того времени епископу севастійскому. А что касается ссылки Голля на 217 письмо Василія В. къ Амфилохію въ доказательство нарушеній Василіемъ каноническихъ правилъ, то тутъ опять нужно принимать во вниманіе отчасти нужду времени, отчасти отсутствіе какого-либо установленнаго кодекса каноновъ. Напр. относительно посвященія неофита издатель «Патрологіи» правильно замѣтилъ на стр. 796: temporum difficultas hujus rei necessitatem attulerat, ut laicus vel etiam neophytus, si modo esset eximius veritatis defensor, praeferretur clerico, aut aliqua erroris labe asperso, aut praesidiis ad fidei defensionem necessariis destituto». Тотъ фактъ, что самому же Василію В. пришлось составлять длинный рядъ правилъ, не въ видѣ общеобязательныхъ церковныхъ нормъ, а въ руководство Амфилохію, и что родной братъ Василія Григорій нисскій могъ значительно расходиться съ Василіемъ въ опредѣленіи покаянія за одни и тѣ же грѣхи, свидѣтельствуетъ о невозможности прилагать къ тому времени позднѣйшую мѣрку согласія или несогласія съ принятыми въ сборники канонами.

Въ книгѣ г. Гидулянова встрѣчаются фразы, отчасти неудачныя, отчасти непонятныя. Напр. желая сказать, что обычное счастіе измѣнило Констанцію въ концѣ его жизни (болѣзнь и смерть помѣшали ему, послѣ побѣдоноснаго похода въ Персію, выступить противъ Юліана, который провозгласилъ себя въ Галліи императоромъ), авторъ на стр. 279 выражается: (Констанцій) «ополчился на Юліана. *Здѣсь ему Богъ позавидовалъ.* Въ киликійскомъ городѣ Монсукренѣ онъ схватилъ жестокую лихорадку, которая свела его въ могилу». Можетъ быть на какомъ-нибудь языкѣ фраза «Богъ позавидовалъ» выходитъ остроумною, только навѣрное не на русскомъ.

На стр. 559 супруга императора Аркадія Евдоксія характеризуется такъ: «алчная, сомнительной вѣрности, *поверженная* церкви и ея служителямъ» и т. д. Если это означаетъ покорность или послушность, то, навѣрное, такія качества еще никто не обозначалъ на русскомъ языкѣ словомъ: «поверженный». На стр. 650 говорится: «папскіе легаты, прибывъ въ Ефесъ, согласно данной имъ инструкціи, pro forum вновь разсмотрѣли дѣло». «Pro forum» — выраженіе невозможное на латинскомъ языкѣ: можетъ быть, авторъ хотѣлъ сказать: pro forma? На стр. 98 говорится объ извѣстной мѣстности въ Египтѣ, которая называлась Мареотисъ. Авторъ называетъ ее «мареотскимъ гаемъ»; что означаетъ это слово, и откуда онъ его взялъ? Можетъ быть, онъ видѣлъ гдѣ-нибудь нѣмецкое слово «Gau» и перевелъ его на русскій языкъ словомъ: «гай», но тогда нужно было пояснить это читателю, да объяснить еще при этомъ и значеніе нѣмецкаго «Gau».

Н. Суворовъ.